Кузница милосердия

Алексей Константинович Смирнов

SHOUT
SHARE
IT

- Кузница милосердия
  -
  - Немногословное вступление
  - Как вкусно просить прощения
  - Побег из курятника
  - Циркуляр Мойдодыра
  - Циркуляр Диониса
  - Гулливер
  - Естественная монополия
  - Борзые талончики
  - Гнездышко
  - Солитер
  - О деликатных тонкостях
  - Мужские руки
  - Марков
  - Реакция на Реформацию
  - Транквилизатор
  - Визит дамы
  - Один и без оружия
  - Правило Номер Один
  - Под водительством Мопассана
  - На линии доктор Кулябкин
  - Вальс расстрелянный
  - Заказное убийство
  - Языковой барьер
  - Путь к сердцу мужчины лежит через желудок
  - Самозванцы
  - Маврикиевна
  - Пирация
  - Обратите внимание на наше состояние
  - Шубы
  - Диссиденты
  - Свиньи
  - Гангстер
  - Фитнесс
  - В каждом рисунке - солнце
  - Муравейник
  - Фактор страха
  - Антисептика
  - Педиатрическое
  - Нос
  - Холодный душ Шарко
  - Козы и катыши

- Малый Апокалипсис
- Семь колец пещерным гномам
- Мой дельтаплан
- Фарид и Вольков
- Социальный дарвинизм
- Варангер-фьорд
- Масоны
- Одна снежинка - еще не снег
- Готовь сани летом
- Вот едут партизаны
- Падения и выпадения
- Матка-яйки
- Хлопци-кони
- Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла
- За спичками
- Должностное несоответствие
- Апгрейд
- Бильярд в половине десятого
- Бархатный Теракт
- "Прошу пана"
- Functia laesa
- Мобилизация
- Три гипотезы
- Два темперамента
- Живые и мертвые
- Неотложная лениниана
- Пасторальные сцены
- "Курение вредит вашему здоровью"
- Седые рецепты
- Овощной Бог
- Чай
- Косарь и Отличница
- Мор
- A la guerre comme la guerre
- Коррида
- Протозоя
- Интерлюдия-довесок
- Коммерческая топология
- Джингл-Белл
- Доктор Томсон
- Горнило
- Бутон
- Унтер-антидепрессант

- Ренессанс
- Ступенчатая терапия
- Непристойное предложение
- Баня
- Дрянная зависимость
- Профессор Козьмин-Соколов
- Эмблема печали
- Folie a deux
- Еще один довесок
- Ноу Хау
- Голубой вагон

Кузница милосердия

Немногословное вступление

Было бы ошибкой увидеть во всем, что последует, продолжение хроники "Под крестом и полумесяцем". Хроника закончена и готова к печати. Пусть, как сказано, будет по нашему слову, а от лукавого - ничего. Хотя читатели встретятся с некоторыми уже знакомыми и, смею мечтать, полюбившимися фигурами. Но не только с ними, конечно. Тем более, что эти фигуры не заслуживают страстной любви. Так, симпатии небольшой - это может быть. Да и сами истории здесь не совсем похожи на те, что составили хронику. Длиннее они, что ли. Наверное, да. В этом все дело. Или в чем-то другом. К тому же они мало связаны друг с другом. Реальные воспоминания, воспоминавшиеся в режиме реального времени. Кушать подано, стол общий, язвенникам не читать.

Как вкусно просить прощения

Был такой детский рассказ, не помню, чей. Может быть, Драгунского. Там мальчик набедокурил, но потом извиняется: трогательно прижимается к маме и вдруг понимает, что это очень просто, и очень приятно, и "даже немножко вкусно - просить прощения".

Это "вкусно" мне запало в голову и всплыло, когда я читал дочке сказку, а в сказке был повар в белом колпаке, вот ребенок и спрашивает: зачем белый колпак?

- Ну, - говорю, - чтобы волосы в суп не падали. Тебе приятно, когда там плавает? А белый - чтобы все видели, что чистый. А то напялит себе черный, и поди разбери, день он его носит или месяц.

Много лет назад я учился и работал при кафедре нервных болезней Первого Ленинградского мединститута. Нет, уже Санкт-Петербургского медицинского университета. Сразу чувствуется разница. Дежурил, разумеется, по ночам. И вот меня вызывают в приемный покой на предмет расследования пьянства. Пьянство было раскрыто на пищеблоке; подозреваемая повариха доставлена, куда надо, и ждет моего вердикта.

Прихожу. Созерцаю.

Я человек либеральный, никого не осуждаю, все понимаю. Если что про кого напишу, так в документальном стиле, без оргвыводов. Но здесь я даже споткнулся. Повариха, которой не дали приготовить обед для всего института, стояла совсем испуганная и несчастная. На ней были белые одежды ангела. Этого ангела, ходившего к сынам человеческим, низвергли на землю; содрали в наказание крыла и хитон, постелили их у входа в адский сортир, где тысячи бесов вытирали о них свои черные копыта.

Потом одежды с крылами надели обратно на ангела, а на прощание выплеснули на фартук ночной горшок Люцифера.

И я не сдержался. Это был последний в моей жизни проблеск гражданского идеализма. Я приблизился, оттянул лямочку фартука и обратился с такой речью:

- Послушайте, я все понимаю. Мне плевать, что вы выпили. Но вы же обед варили - что, что это? В каком вы виде?

Повариха вытаращила глаза, отшатнулась и пробормотала:

- Я больше не буду.

И я увидел, как это всем будет вкусно, прощение поварихи.

Побег из курятника

На поэтическом фуршете ко мне обратился застенчивый молодой человек, который, как выяснилось, занимается Рекруитментом, а потому читает идиотские книги в моем переводе. Вежливо и тонко хихикая в ответ на мои ядовитые реплики, он выразил надежду на какое-нибудь сотрудничество в перспективе. Не имея ничего против него лично, я в сотый раз содрогнулся при словах "работать в команде". Нет ничего страшнее для меня, чем сделаться "командным игроком".

Всегда и везде я искренне ненавидел начальство за то, что оно за мной следило. Вот сейчас мне замечательно: сделал - и молодец. Не сделал - тоже молодец, просто съешь на один пирожок меньше. Зато в прежней жизни мне приходилось совершить столько побегов, что по накалу страстей, если взять их в совокупности, хватило бы и на Бастилию, стоявшую под охраной глупого Ла Раме, и на Шошенк, и на историю с Мотыльком и Дастином Хоффманом.

Я совершенно не умею сидеть и пучить глаза, когда все уже давно сделал. И в поликлинике, и в больнице у меня всегда существовало по два пути отступления, главный и запасной. Основная дилемма заключалась в верхней одежде. Если я вешал ее в кабинете, пользуясь королевской привилегией игнорировать, на зависть обычным смертным, гардероб, то мне приходилось бежать уже одетым, и я рисковал натолкнуться на какую-нибудь проверяющую сволочь. А если я катился вниз как бы по делу, то неизбежно задерживался в гардеробе, где тоже мог натолкнуться на сволочь. К тому же меня выдавала сумка, по которой сразу делалось ясно, какое у меня дело.

Так я сбегал на час, на два, на три раньше времени.

Однажды ко мне вошла начальница, пожевала губами и потребовала объяснений.

- Но я же все сделал, - сказал я жалобно.

- Часы надо высиживать, - не без сочувствия ответила та.

Но я видел, во что превращаются фигуры тех, кто высиживает многочасовые лечебно-профилактические яйца. И дело не в факте сидения, потому что сейчас я тоже все время сижу, и неизбежно располнел, но именно докторский стан после долгого высиживания приобретает какие-то своеобычные формы. Откладываются какие-то совершенно особенные, тугоплавкие жиры, впитавшие вялое атмосферное электричество...

- Так чем же мне заниматься? - спросил я.

- Работайте с документами.

И я работал с документами: сидел и уныло перебирал больничные листы, читая об уголовной ответственности за их неправильную выдачу - по закону, принятому в щедром на выдумки 1937 году.

А вот в больнице я постепенно обнаглел и на излете врачебной деятельности уходил уже через час после появления на работе. Я говорил, что пошел лечить зубы.

Наконец, там рассвирепели.

Вообще-то ко мне приставали и с другими придирками. Последний начмед, например, упрекал меня в убогости стиля при оформлении историй болезни. Я еще скажу об этом отдельно. Я не то чтобы исправился, будем скромнее, но я старался, и надеюсь, что ему еще представиться случай ознакомиться с результатами.

Циркуляр Мойдодыра

Я уже давно расстался с больницей, когда разразилась атипичная пневмония. Озаботившись ее победным шествием, я позвонил бывшим коллегам. Какие, дескать, принимаются меры.

Первым ответом было удивленное:

- Никаких.

Я не поверил, и те созналась: меры все-таки приняты.

Теперь я успокоился.

По отделениям распространили приказ-инструкцию: "Как Мыть Руки".

1. Открыть кран.

2. Правая рука моет левую, а левая - правую, другие варианты не допускаются.

3. Нужно много обмылков, чтобы они были разовыми.

И что-то еще, уже лишнее.

Циркуляр Диониса

Я где-то или у кого-то прочел, что на Тайване уже выставили в общественные туалеты бутыли со спиртом, для обработки рук. Боятся, несчастные, этой ужасной новой болезни.

А ничего другого и не нужно. У нас, если спирт в общественном туалете заканчивается, его даже с собой приносят.

В нашей больнице как было?

Привезли однажды дифтерию, на ночь глядя. Ну, пошел звон. Вернее, старческий скрип: с приемным покоем немедленно связалась некая Мария Николаевна, которая работала местным эпидемиологом лет уже пятьдесят. Была она маленькая, беленькая, любила проводить занятия по холере, всюду ходила. Это ее, как я рассказывал в хронике, обманули в реанимации, от которой Мария Николаевна потребовала выстроить особую утятницу: мойку для уток. И утятницу выстроили, и всякий раз, когда Марья Николаевна появлялась, ей гордо показывали, а Марья Николаевна только руками плескала, растроганная. Так утятница без дела и простояла.

И вот Марья Николаевна позвонила и прочитала подробную инструкцию: что делать и как обрабатываться после приема дифтерии.

- Щас, - сказал приемный покой.

И слили спирт.

Сказали друг другу:

- Начнем, пожалуй?

Гулливер

Отвлеченное воспоминание.

Я не то, чтобы очень маленький, но здорово средний. Рост у меня так себе. А как мне хотелось быть высоким!

Не для привлечения дамского пола. В этом я больше рассчитывал на создание атмосферы вседозволенности. При достаточном объеме вспомогательных ресурсов получалось вполне достойно.

Впервые мне захотелось быть высоким в кино, чтобы все было видно, а другим, которые харкают и чешутся сзади, ничего видно не было.

Потом - на физкультуре, потому что меня постоянно выстраивали в шеренгу поближе к концу, где почему-то накапливались спортивные отбросы. Я и сам был не лучше, но, когда б уродился повыше, попал бы к заносчивым баскетболистам, а там бы уж чего-нибудь нахватался.

В последний раз моя зависть разожглась в одной пивной возле Финляндского вокзала. Тем вечером в ней все выглядело странным и фантастичным. Во-первых, туда пришли мы - то есть я, да еще мой приятель уролог К., о котором я много писал. У нас с ним установилось тончайшее взаимопонимание. Выходим, бывало, из больницы, и я к нему обращаюсь: "Вот что я думаю..." А он мне мгновенно: "Я - за!"

Во-вторых, там наливали красновато-кровавое экспериментальное пиво с названием, которого я потом нигде не встречал: "Гладиатор".

А в третьих, возле стойки перетаптывался великан.

Уролог, человек достаточно высокий, даже изогнулся, склонив голову на бок, стараясь вывести какой-то неестественный угол зрения, чтобы половчее познакомиться с надежно заспиртованным экземпляром.

- Диплодок! диплодок! - шептал он восхищенно, пока отстаивалось креативное пиво. - А мне всегда казалось, что я не самый маленький!

Диплодок покровительственно посмеивался и щурил непропорционально свиные глазки. Он еле стоял, и было страшно представить, что будет, когда он рухнет. Оказалось, что все его знают, и он - местная культурная особенность.

Его никогда не забирали в милицию, потому что не поднять и не сдвинуть. И он мог вволю лежать на полу, чем и пользовался.

...Нет, никак мне не повезет оказаться среди лилипутов. Выправишь Гулливеровский паспорт, поедешь к ним в надежде

покуражиться, а попадаешь, стараниями ветра, совсем в другую страну. Ходишь, смотришь по сторонам - безнадежное дело, сплошные лошади.

Естественная монополия

Когда я работал в петергофской поликлинике, я был там добрым следователем.

Потому что поликлиника, как ее ни крути, тоже общечеловеческое учреждение - а значит, в ней должен быть следователь добрый и следователь злой.

Я всех принимал даже без номерка.

А мой коллега слыл жестоким извергом, он был бездушная машина. В сложном медицинском процессе его больше всего привлекала административная сторона. Он постоянно делал в карточках разные пометки с восклицательными знаками, не имевшие отношения к диагнозу, но очень важные для профилактики жалоб и наказаний - "Герой!", "Инвалид!", "Участник!", "Идет на ВТЭК!", "Хочет на ВТЭК!" и так далее.

А сам уже много лет как сошел с ума и бредил жилплощадью.

Его как огня боялись.

После "здрасте" со мной он вываливал из портфеля судебно-хозяйственные бумаги и, задыхаясь он торжества, начинал объяснять, кого и где он вывел на чистую воду.

"Липа!" - ликовал он, тыча пальцем в какую-то испуганную подпись.

Мы с ним были в большом дефиците. Сами к себе рисовали талончики, половину спускали в регистратуру, чтобы публика к нам с утра занимала очередь. Пока я работал, полегче было.

Уходил я однажды в отпуск.

Спустился в регистратуру взгрустнуть, попрощаться. А там уже мой коллега расхаживает. И облизывается, пальцем грозит, рисуя перспективы своего одиночного труда:

- Десять талонов отдам, и все.

Подумав, с неуверенной радостью:

- Будете у меня визжать!...

За стойкой притихли, глядели на него с веселым страхом и готовы были визжать уже прямо сейчас, с зачетом будущих лишений.

Борзые талончики

Крепостное право у нас сохраняется. Никуда оно не делось. Развиваем начатую тему.

Вот меня, например, в поликлинике очень даже просто продавали. Низводя до талончика, ко мне на прием.

Придет к терапевтихе, а то и к самой государыне-заведующей, клуша. Принесет в авоське бутылку с конфетами, пшена, борзых щенков. Заведующая коньяк выжрет, пшена на пару с клушей поклюет, щенков помучает. И, раздобрившись, делает ответную благодарность: выдает талончик, к невропатологу.

Клуше вовсе не нужный.

Но клуша - давно, естественно, этого талончика добивавшаяся - расцветает. Бежит ко мне, а я сижу и вообще не при делах. Кто такая? Ах, вам меня прописали...

Отрабатываю коньяк, булькающий в заведующем животе.

Не очень-то приятно, когда тебя продают.

Захотят - в солдаты сошлют, как бывало; захотят - поженят на медсестре. Или на той же клуше. Беседуешь с ней - и будто сорок лет с ней прожил. Будто при Анне Иоановне проживаешь, для ее идиотской забавы. Бироновщина.

Как у Тредьяковского выходит. Я тут Зощенко читал, так он цитирует его оду на венчание шута и карлицы:

"Здравствуйте, женившись дурак и дура.

Теперь-то прямое время вам повеселиться.

Теперь-то всячески, поезжане, должно беситься".

Гнездышко

Я еще только начал работать в больнице.

Еще только-только познакомился с заведующей отделением, о которой так много и подробно написал в хронике. А она уже ко мне прониклась всем сердцем.

Вот завершился мой не первый, а где-то девятый, но точно не сороковой, рабочий день; пришел я на пятачок, где публика караулила вероломный служебный автобус, чтобы скорее уехать домой.

Стою, люди рядом. И заведующая идет, из магазина.

- Так, - доверительно бросает мне, на ходу. - Колбаски купила, хорошо.

И отошла.

- Ого, перед тобой уже отчитываются, - подмигнул руководитель лечебной физкультуры, ядовитый и злой человек.

Оказалось, что это был не отчет, а просто абстрактное умозрение. Заведующая любила в разгар рабочего дня сказать, например:

- Нас было девять (четверо? двенадцать?) детей. И каждый что-то умел. Вот я никогда не умела готовить. Зато я умею чистенько и быстро прибрать квартирку.

Как-то раз докторша с отделения съездила к ней в квартирку одолжить пылесос. Вернулась: глаза навыкате, голос сел, только шепчет и головой качает: "Бля... бля..."

Солитер

Однажды до и после полуночи у меня состоялся телефонный разговор с одной знакомой. Она спрашивала совета: ее подруга почувствовала, что в ее кишечнике зародилась некая Жизнь. Дня два уже там существует. Зарождение Жизни сопровождается потерей аппетита и легким головокружением. Поскольку Господь по избытку великодушия даровал человеку право именовать всякую тварь, больная нарекла Жизнь Солитером. Эта мысль пришла ей в голову сразу, едва она вспомнила рассказы о Солитере, которые слышала давно.

Я привел себя в боевую готовность, но тут выяснилось, что подруга уже устала думать о Солитере и задремала.

Зато задумался я: почему же Солитер?

И как вообще возможно иметь суждение?

Я говорю об этом, будучи закоренелым агностиком. Таинственная Жизнь в кишечнике напомнила мне примечательный случай, рассказанный одной очень умной женщиной, психотерапевтом. К сожалению, ее уже нет в живых. К этой женщине ходил матерый эксгибиционист. Ему ничто не помогало; пробовали гипноз, рациональную психотерапию, гештальт, психоанализ - впустую.

Целительнице он надоел смертельно.

Однажды она погрузила его в легкий эриксоновский гипноз и заставила воображать всякую всячину. Бедняга, как обычно, сразу увидел льва, который в подобных видениях равнозначен "Я". В сторонке от льва прогуливался папа. Папа эксгибициониста, не льва.

Лев этот тоже осточертел докторше. Она уже понятия не имела, что с ним дальше делать.

"Хорошо, - сказала она наобум. - Лев съел папу".

И лев съел папу.

На следующий сеанс клиент явился с букетом роз и прочими дарами. Он полностью выздоровел и теперь сиял.

Кто же мог знать?

А вы говорите: Солитер. С дурной уверенностью.

О деликатных тонкостях

На уроке сексуальной квалификации доктор Щеглов рассказал нам, что экспертиза эротической видеопродукции - дело весьма тонкое и непростое. Собирается важная комиссия, состоящая из солидных людей. Они отсматривают фильм и приглядываются: подтягивается ли во время совокупления мошонка. Если она подтягивается, то копуляция натуральная, а кино порнографическое, и за него надо посадить. А если висит, то это полное фуфло, обман потребителя, равнодушная имитация, она же - высокое, как известно, искусство. Сажать не надо, можно дать приз Венецианского кинофестиваля.

Вообще, эти уроки бывали очень познавательными. Один доцент, например, Петров ему фамилия, вел у нас цикл "Социальные аспекты сексологии". Он ничего другого не делал, кроме как пересказывал нам сцены из разных фильмов, особенно напирая на "Калигулу", и в глазах его, которые над аккуратной бородкой были, светилось неподдельное восхищение.

А профессор Либих - ныне покойный, как я понимаю, но если нет, то виртуально прошу у него прощения - задавал неожиданные вопросы: чем, например, должно пахнуть в уборной? И сам же отвечал, что в уборной всегда должно немножко пахнуть уборной. Он был милый человек, но очень сильно смахивал на Берию. Однажды он решил показать нам гипноз. Для этого, по его словам, ему нужно было выбрать идеальную кандидатКУ, и он пошел по проходу, выискивая сродственную, созвучную его душевному строю, фигуру. И вдруг, подавшись вперед, молча задвигал нижней челюстью. Я по сей день пытаюсь подобрать какой-нибудь подходящий аналог из животного мира, но безуспешно. Подвигал, походил, схватил одну самку. И загипнотизировал.

Мужские руки

Не знаю, с какого-такого женского счастья, но мне вдруг вспомнилось одно восьмое марта - история про мужские руки. Не ко времени, да и случай довольно бесхитростный, ну и ладно.

В последнюю больничную весну мне взбрела в голову дурная идея, которая состояла в совокупном гастрономическом поздравлении женского коллектива. На меня уже посматривали косо, так как годы общения с друзьями - урологом и физкультурником - не прошли даром, и я все глубже завинчивался в хмельной водоворот. Поэтому я прислушался к царившей в голове пустоте и пообещал доставить к столу мясное блюдо собственного приготовления, на всех.

- Мужскими руками, мужскими руками, - восторженно перешептывался средний медицинский персонал.

Мне выделили деньги из банно-прачечного ресурса. Я, конечно, не упустил попользоваться и накануне праздника отпросился с самого утра: готовить. Меня подозрительно благословили и отпустили. Я купил сырье, водочки, поехал домой. Возле Старой Деревни, на выходе из маршрутки, был ненадолго остановлен милицией.

А дома, неоднократно ужаленный змием, я обнаружил, что сырья набралось слишком много, а я уже в полудреме. Поэтому я мучительно покрошил все на сковороду, не очень пожарил, высыпал в трехлитровую банку и залил всякой всячиной: уксусом, кетчупом, горчицей; настриг туда травки разной, добавил черных горошков, какие нашел. Банка получилась вроде той, в которую Митьки закатывали зельц с маргарином, чтобы кормиться в течение месяца.

Утром все это было зеленоватого, глинистого цвета. Стерпится - слюбится! Принес я банку, персонал все это вывалил на тарелки, ковыряется с любопытством, не без гадливости. Но восхищение моим подвигом взяло верх. Опять зашептали, толкая друг дружку слоеными локтями: мужские руки! главное, что мужские руки!

А мужские руки с бодуна тряслись так, что рюмку расплескали.

Потом еще били по ним, чтоб не лезли, куда не просят.

Марков

Цепочка ассоциаций, восстановить которую мне уже не удастся, да и черт с ней, привела к одному моему пациенту. Это была история маленьких радостей и больших разочарований под равнодушным солнцем.

Тот пациент, назовем его Марков, сломал себе шею. Он был начальником в какой-то конторе, где основной костяк составляли богатые одинокие бухгалтерши средних лет, много наворовавшие, но чистые душой и сердцем, с несложившейся личной жизнью. Они его боготворили. Ему сделали операцию, и преданный коллектив, объединившись с его женой, того же сорта особой, напитался энтузиазмом. Все, что ниже пояса, у Маркова оказалось парализованным, и всем хотелось срочно поставить его на ноги. Ни о каких сроках никто и слышать не желал: поскорее, поскорее на реабилитацию.

Как было принято в таких случаях, меня откомандировали в больницу, где он маялся: посмотреть, можно ли брать - нет ли, скажем, сифилиса, не належал ли пролежней, ни лихорадит ли, а то ведь с ним ничего нельзя будет делать.

Бухгалтерша из приближенных к телу лично свезла меня туда в собственном БМВ, под веселую музыку, и сама веселилась, рассказывала, как пьет с девками коньячок, а сын у нее - наркоман, а мужика нет, а самой ей сорок лет.

Забраковать кандидата я никак не мог, дал отмашку.

Два месяца наше отделение купалось в любви и заботе. Денежного Маркова поместили в одноместную палату; там ежедневно менялись цветы; сослуживицы вместе с женой Маркова посменно дежурили, угадывая малейшее его желание, веруя в близкий успех. И сам он был мужик вполне приличный, не сволочь какая, всем улыбался, был настроен на победу - и вот! все рукоплещут! его уже поставили стоять в брусьях, заковавши в специальные тутора, сапоги такие, подпорки. А потом и повели с ходунками, да костылями, поддерживая и подбадривая. Прогресс, положительная динамика, ослепительное будущее. Никто из них не хотел понять, что такие успехи - удел большинства, и на них, как правило, дело и заканчивается. Будет ходить в сопровождении помогателей, окрепнет, а так - коляска, на всю оставшуюся жизнь.

"Да, да, " - кивали. Но не слушали.

Осыпали отделение разными благами. Ну, наши казначеи-хозяйственники своего не упустили: там покрасили, сям полочку прибили. На такие-то деньги. А когда Марков выписывался,

началось вообще что-то невообразимое. При строгом запрете на всяческое бухло народ у нас, конечно, жрал втихую и вгромкую, но тут все запреты рухнули. Зазывают меня, помнится, в палату, а там - сам Марков в постели, море тюльпанов и роз, счастливые бухгалтерши, стол на много персон - и как все поместились? Наш славный коллектив - в полном составе, с заведующей. Не таясь, наливают мне фужер коньяку в разгар рабочего дня, подносят; заведующая благодушно кивает: выпить!

Уезжали с оркестром.

Через полгода Марков вернулся, потом - еще через полгода, потом через год. У нас же самая тоска была в том, что из года в год лечили одних и тех же клиентов, безнадежных колясочников, давно породнившихся с отделением и видевших в нем нечто вроде клуба. Дома-то, в коляске, не покатаешься. Вообще носа не высунешь.

Состояние Маркова, разумеется, не менялось. Он, как и прежде, стоял в брусьях и ходил в туторах, но эти достижения уже не вызывали в нем прежней радости.

Состоятельный и заботливый бухгалтерский гарем испарился.

Потом, если не ошибаюсь, куда-то запропастилась и жена.

Марков, ставший завсегдатаем, заматерел, набрался общего хамства.

Банкеты остались в прошлом. Уже никто не совал в казначейские карманы денег на стиральный порошок, клеенку и мыло.

Потом его выкинули за пьянку: нарушил режим.

Чтоб другим неповадно было.

Реакция на Реформацию

В английской книге я с интересом причитал о современной наклонности к виктимизации. Что означает увеличение числа поводов вчинять иски и требовать компенсацию ущерба.

Особенно порадовала история о каком-то жителе Дикого Запада, который вдруг ни с того, ни с сего застрелил хорошего человека, а после оправдывался: я, дескать, поел несвежее из местного Макдональдса, так пусть столовая мне денег выплатит. А что стрелял - за то судите, ваша сила.

Такое, вообще-то, началось уже и у нас. Я, по-моему, рассказывал где-то о легком способе прожить весело и безбедно. Прийти в больницу, сказать, что головой ударился, получить бумажку о том, что мозги не сотряслись. Потом, через пару часов, явиться в другую больницу и там изложить все то же самое, но с устрашающими моментами: тошнит, крутит и вообще жить не хочется. Взять вторую бумажку: мозги сотряслись.

Потом подать в суд на первую больницу, тряся и размахивая ее первой же, безобидной бумажкой.

Появились особые гады-консультанты из медиков, которые всему этому учат. Вроде меня, прямо сейчас.

Одна, помню, совершенно спятила: ее отпустили живой и непоруганной, а она захотела судиться с дежурным урологом: почему он, мол, не проводил ее через больничный двор к автобусной остановке.

Все это дело готовилось зародиться и чуть не зародилось совсем, как при всамделишном порочном зачатии, году в 1987. Тогда объявили близость Реформы Здравоохранения. И, восхищенную слюну разметывая, говорили: если вы сломали ногу на улице, вам больничный не оплатят, но вы зато сумеете подать в суд на жилконтору, которая не посыпала тротуар соленым песочком.

Я все думаю, что вышло бы, реализуйся задуманное. Кто-то еще, видно, задумался, почесал репу. Представил виктимизацию в национальных масштабах и с коммунально-бытовой спецификой, да если добавить еще извечное, некрасовское правдоискательство - ой, ой!

В итоге что-то зреет, но как-то бродит уже, не очень удается.

Правда, недавно заасфальтировали кусочек улицы близ моего дома - поверьте, что я бы меньше удивился, явись ко мне английская королева. Но это же черные себе подъезд облегчали, которые магазин купили. Теперь не стыдно и в иномарке показаться, с пузом-то расстегнутым.

Транквилизатор

Короткая история, моментальный снимок. Snapshot, как говорят в народе.

В годы работы в поликлинике самым приятным обстоятельством было расположение моего кабинета. Он находился напротив сортира. Никакого сорокоманства - я просто курил там. И все там курили, и всем приходилось бегать, а мне всех делов-то - единожды шагнуть мимо очереди якобы по важному делу, и курить.

И вот (оборот этот уже надоел, но все же), и вот я однажды вошел туда совершенно представительный, в белом халате, со строгим лицом. У подоконника содрогался человек в ушанке. На подоконнике стояла початая бутылка портвейна.

Увидев меня, человек осклабился.

- Доктор невропатолог вышел покурить, - отметил он не без надменной приветливости.

- Что это? - указал я на бутылку вместо ответа. Я был строг.

- Это? - Он посмотрел на портвейн. - Транквилизатор.

Я сдвинул брови. Он вынул из-за пазухи справку, в которой было написано, что ему недавно удалили легкое, и удалили неспроста.

Я раскрыл рот, чтобы сказать что-нибудь душеспасительное и вразумляющее, но вместо этого бросил папиросу в горшок и ушел.

Запомнилось почему-то.

Визит дамы

Удивительными делами хворают люди - иногда.

Мелкое воспоминание с потолка.

Пришла ко мне однажды на прием, в поликлинику, одна женщина лет полста. Крупная, со смиренным лицом, довольно безропотная.

Села и хрюкает.

Это у нее была такая болезнь. Она пришла, чтобы я ее спас - но это я так решил, а на самом деле я понятия не имею, зачем она пришла. У нее была карточка толщиной в роман "Идиотъ".

Ее спасала профессура, бывшая для меня надменным скоплением иронических звезд. И академики там тоже сияли. На эту тему в чудовищной карточке было много потертых выписок, написанных убористым почерком.

Не спасли.

Она смотрела на меня и продолжала равнодушно хрюкать с интервалом в тридцать секунд.

Я присмотрелся и решил вдруг, что это ей даже немного идет.

Я не смеюсь над этой гостьей моего беспомощного кабинета. Скорее, расписываюсь в бессилии.

Выписал ей феназепам, отпустил. Покорно взяла рецепт, пошла, хрюкнула на пороге.

Правильно я оттуда уволился - что мне там делать? Когда такие трагедии.

Один и без оружия

Работая в больнице, я не только пакостничал, но и проявлял принципиальный героизм. Я, можно сказать, под самые пули шел.

Однажды в приемный покой забрела одна особа, о которой не могу сказать решительно ничего определенного - разве что физиономия у нее была сильно побитая, а так не запомнилась.

Вполне нормальная была, нельзя не признать. Но - может быть, именно за это - ее кто-то побил, из близкого и нестерпимого окружения. Поэтому я выставил ей диагноз: сотрясение. И забыл. А особа не забыла. Она, видно, поставила на своей жизни крест: пошла и написала заявление в милицию. И бумажку мою показала.

Через пару дней, ночью, в очередное дежурство, мне позвонили.

- Але, - сказал я.

В трубке пошуршали, а потом заговорили излишне зловещим голосом:

- Ну, что? Сколько ты хочешь, чтобы снять диагноз?

Как будто у них что-то было. Ну, рублей двадцать, может, и было.

Спросонок я заволновался: что? что?

- Диагноз, - тихо сказала трубка, но так и не уточнила, чей именно.

Однако я уже разобрался в ситуации и направил собеседницу на хутор для ловли лепидоптер.

С тех пор мне звонили в каждое дежурство.

- Козззел, - шипела трубка. - Сука такая, блядь.

Я нервничал и гордился собой. Я проверил себя на прочность и знал, что не продамся ни за какие посулы. Выходя из больничного корпуса, я оглядывался и пригибался. Я прикрывался воротником от вероятной гранаты.

А мог бы обратиться к своему клиническому опыту и понять, что все будет хорошо! Через месяц все закончилось. На том конце трубки в силу безудержной нетрезвости все чаще и чаще отвлекались на более важные дела.

И, наконец, отвлеклись совсем.

Правило Номер Один

Реанимационная бригада выдвинулась в район одной мрачной избы, что в Парголово, которое не то еще город, не то уже нет, но было.

Бригаду пригласила Скорая Помощь, уже прочно застрявшая в этой избе. По следующему вопросу.

Дедушка осьмидесяти шести лет вернулся из больнички домой, в родную хату. Враги за время его отлучки так и не справились ее сжечь, хотя порывались. В больничке деда прооперировали в связи с серьезной бедой. И выписали.

Дедушка, как давно для себя завел, отметил это событие с сыном. Сын ушел, а когда воротился, дедушка уже не дышал, и воняло газом. Не травануся ли батя?

Приехали две аварийки, взялись что-то откручивать. Заглянул участковый, вызвал автомобиль для перевозки трупов. Те перевозчики рядом паслись. Завернули дедушку в покрывало, завязали узлы, поплевали на руки, понесли на мороз. От холода дедушка стал дышать. Его, парализованные ужасом, уронили в сугроб, и он полежал там, пока сынок не затащил в избу.

Так вот и вышло, что в итоге приехала самая нужная машина. Доктор скорой помощи послушал дедушку: дышит, но булькает. Не отек ли легких? И вызвал реанимационную бригаду.

Мой приятель, состоящий в этой бригаде, недовольно покачал головой со словами:

- Нет, это не сердце. Наши больные умирают в сознании. А этот в отключке.

Поплевали на руки не хуже тех, первых; взяли отсос. Дружно откачали из бронхов что-то сильно пахнувшее водкой. Дед пришел в рассудок, вырвал трубку и послал всех на хуй.

Стоя на крыльце, мой спец пожурил доктора скорой помощи:

- Зачем зовешь? Главное - глубоко и хорошо отсосать.

Дед, короче говоря, в водке утонул.

Под водительством Мопассана

Жила-была одна женщина, и вот она захворала. Захворала не совсем смертельно, но неприятно. Она лежала на постели, кротко улыбалась и говорила, что не может пошевелить ни руками, ни ногами. И не шевелила. Долго. Счет пошел не на месяцы, а на годы.

Наконец, пригласили серьезного специалиста по таким недугам.

Он пришел и увидел огромную кровать, посередине которой лежала больная, на спине. (Этот специалист, между прочим, рассказывал нам, что всегда, входя в незнакомый дом, смотрит, сколько места в комнате занимает кровать).

В личной беседе с больной он добился немногого. Она умиротворенно глядела в люстру с красивыми висюльками.

Тогда настал черед беседы с родственниками, и здесь дело пошло живее. Выяснилось, что в этой семье произошла страшная трагедия. Муж пациентки изменил ей. И с тех пор она такая. С тех же пор он старается заслужить прощение и снисхождение. Он военный, настоящий полковник.

- А где же, где же спит этот негодяй, это чудовище? - спросил специалист.

- Вот тут, - и ему указали на небольшой жесткий сундучок, накрытый клеенкой. Сундучок приютился в темном углу.

Специалист пошел к выходу. Откуда-то выскочил полковник.

- Ну скажите, - зашептал он, - когда она поправится? когда?

Специалист посмотрел на него и пожал плечами:

- Никогда.

На линии доктор Кулябкин

В 2001 году вместе с нашей дачей сгорела и книжка, которая хранилась там много лет. Это был толстый производственный роман из жизни врачей под названием "На линии доктор Кулябкин". Его все моя мама читала, я не сумел. При виде заглавия мне всегда вспоминался один доктор, тоже такой вот простой, с невразумительно говорящей фамилией, со своими нехитрыми радостями и горестями, о которых так приятно прочесть. Пусть эта фамилия сохранится, настоящую я забыл, да и ни к чему ее указывать. Пусть меня простят за плагиат.

Правда, быт этого доктора - я уверен в этом, даже не читавши романа - во многих мелких деталях отличался от быта героя.

Мне приходилось сталкиваться с Кулябкиным, когда я подрабатывал в некоторой поликлинике на Петроградской стороне. Это был худощавый мужчина в несвежем халате, с затравленными глазами и добрым лицом. По-моему, он был хороший человек. Наверняка его любили больные. Спокойно и уверенно вышагивать по жизни ему мешал чудовищный перегар, толчками вырывавшийся из его прыгающих губ. Казалось, он постоянно ждал опасности, заслуженного удара в спину, разбирательства, замечания, упрека.

Однажды, дожидаясь машины в регистратуре, я слышал, как регистраторше поступил приказ разыскать доктора Кулябкина и отослать его на ковер для выпускания отравленной крови. Не знаю уж, что он натворил - может быть, куда-то не сходил, а может быть, что-то не записал.

Приказ был исполнен немедленно. Кулябкина разыскали и направили по назначению.

- Из доктора Кулябкина сейчас фарш сделают, - заметила хромая регистраторша, едва к ней сунулся кто-то знакомый. Она сияла, она цвела. У нее усилилось слюноотделение, ладони сладко терлись друг о друга. Мерещилось, что от их соития у нее вот-вот родится третья.

- Сейчас из доктора Кулябкина котлету сделают, - сказала она через две минуты еще кому-то.

- Сейчас из доктора Кулябкина шашлык сделают, - сказала она мне.

- Сейчас из доктора Кулябкина форшмак делать будут, - сказала она в пространство.

Месяца через два доктор Кулябкин исчез. Никто не знал, где он, и говорили о нем с легкой тревогой и заблаговременным сочувствием. Потому что исчез он надолго. "Нигде его нет, -

говорила регистраторша. - Домой к нему ходили. Нету. Вот уже месяц". И я тогда сам решил, что с Кулябкиным приключилось что-то совсем нехорошее.

Потом он тихо появился. Приступил к должностным обязанностям.

О причинах отсутствия спрашивать не хотелось. О них и не говорил никто, все понятно.

Он, конечно, не закусывал, потому что сам был закуской.

Вальс расстрелянный

"Скорая помощь" творит дела, которые не знаешь, как и аттестовать. Теряешься в трех соснах.

Мой приятель, там работавший, рассказывал мне одну историю, про вальс. У него много историй, дальше будут еще и еще. Сами увидите, если дочитаете.

Вообще, вальс - это нечто сугубо специфическое для "Скорой помощи", как выясняется. Вот и Розенбаум работал же там, а потом сочинил "Вальс Бостон". Ну, в нашем случае вальс был другой.

Короче говоря, в машину моего приятеля поступил вызов из Вагановского училища. Хореограф, обучая юную балерину, не учел ее малолетней хрупкости, и та повредила себе лодыжку. Упала, конечно.

Приехали.

Проследовали в зал.

Там было пусто, пыльно и гулко. В первом ряду стоял стол для общего руководства. Мой приятель сел сбоку, ряду в четвертом, облокотился и приступил к наблюдению. А дело вести поручил своему фельдшеру.

Собственно говоря, в этом фельдшере и заключалась вся соль. Высокая, мускулистая, белокурая бестия в темных очках на пол-лица. Плотно сжатые губы, беспощадный подбородок, закатанные рукава. Вылитый эсэсовец. Фельдшер по-хозяйски уселся за стол, сложил руки.

- Как было дело? - спросил он ледяным голосом.

Перепуганный танцмейстер начал было что-то объяснять. Гестаповец выслушал его с непроницаемым видом и приказал:

- Показывайте, как было дело.

У пожилого танцмейстера волосы встали дыбом, он вспотел. Страшная фигура в первом ряду напоминала ему о разных военных ужасах.

- Показывайте, - повторил фельдшер. Он сидел неподвижно и прямо - в отличие от доктора, который уже понемногу корчился в своем углу.

- Ну... ну... ну, вот так вот было примерно, вот так!

Хореограф засеменил к музыкальному инструменту, выдернул пианистку - тоже пожилую, не предназначенную к танцам, особу, и взял ее за исчезающую талию. Он стал показывать, как произошел несчастный случай, но перед ним стояла трудная задача. Ему следовало не просто исполнить вальс, он должен был станцевать его умышленно неуклюже, имитируя

роковое движение.

И он долго танцевал, поминутно взбрыкивая и нелепо ударяя партнершу коленом в живот.

Фельдшер не проронил ни слова. Темные очки внимательно следили за происходящим.

Доктор сполз под кресло.

Заказное убийство

В хронике я уже вскользь коснулся убийства депутата Виктора Новоселова. Можно и поподробнее рассказать.

Депутат Новоселов имел к нашей больнице самое непосредственное отношение. И даже не к самой больнице, а к нашему "спинальному" отделению, которое, в общем-то, достаточно уникальное, таких нигде нет, и лечатся там люди с травмами позвоночника: колясочники. А Виктор Новоселов сам был колясочник и некогда в нашем отделении лечился, а потому и благоволил.

И вот однажды он приехал на многолошадном автомобиле, со строгим бритым эскортом. Он чинно катил по коридору; неподвижные ножки сверкали ослепительными ботинками. Из нагрудного кармана торчал треугольник платка. Виктор Новоселов приехал оказать нашему отделению адресную помощь и хотел выяснить, в чем оно нуждается. После ознакомительной экскурсии планировалось крупное совещание в овальном кабинете главврача.

Мой друг, уролог К., так и вертелся вокруг, а когда все заслуживающие совещания персоны отправились совещаться, заведующая отделением, которая ровно ничего не понимала в окружающей действительности, подхватила под локоть рядового К. и приказала: "Пошли!"

Ей мерещилось, будто кто-то будет слушать его предложения. Да у него и не было никаких.

Уролог К. пожимал плечами, шел, на ходу оглядывался и улыбался мне.

- Похоже, мы идем под тамбовскую группировку, - шептал он.

А мы с ним как раз собирались выпить, но совещание затянулось. Я поскуливал и подпрыгивал возле административного корпуса, порываясь заглянуть в окошко, где серьезный, недосягаемый К. сидел среди власть имущих.

Это у нас было в традиции. Однажды он собрался ко мне, а я говорю ему: ты что! все дома! А он мне: ну, я во дворе подожду, поскулю...

Короче говоря, Новоселов направил в отделение не то транш, не то грант, черт его разберет. Отвалил дорогим спинальникам не меньше миллиарда - старыми, разумеется, хотя мог бы и новыми.

А через год прикатил разбираться: где миллиард?

Миллиард был освоен, но как-то замысловато. Настолько изощренно, что даже видавший виды Новоселов не смог ничего понять.

А еще через месяц Новоселову положили на крышу машины бомбу, и ему оторвало голову. И он стал настоящим спинальником.

Языковой барьер

За человеческой мыслью не угонишься.

Оказывается, пациентки моей матушки, когда им прописывают свечи, делают так: бросают их в унитаз, а после садятся и справляют нужду. Они не выбрасывают свечи, нет, они пребывают в полной уверенности, что после этого поправятся.

Да и я никогда не был уверен, что меня правильно понимают.

Помню, попросил одного больного - норовистого такого, хорохористого старичка с бородой скоротечного козлика - встать, вытянуть руки и закрыть глаза. И что он сделал? Мне не описать того, что он стал делать. Он изогнулся змеевиком, высунул язык, зажмурил один глаз, раскинул руки и начал приседать пистолетом, кренясь набок и багровея лицом.

- Что вы делаете? что, что это? - закричал я.

- Э? - проблеял он, склоняя и голову тоже, глядя на меня свободным глазом.

Путь к сердцу мужчины лежит через желудок

Хочу посетовать на некоторый цинизм медицинской науки. Изучали мы, помнится, рентгенологию. И нам предложили зайти в этот проницательный аппарат и посмотреть на себя изнутри, вживую. Не снимок какой-нибудь сделать, а запустить научно-популярный кинематограф. Зашел я, значит, туда, и оказалось, что во мне сокращается нечто колоссальное. "О, какое большое сердце", - удивился рентгенолог. Я приосанился и скромно улыбнулся, поглядывая на дам. "Это очень плохо, - сказал рентгенолог, - с таким большим сердцем долго не живут".

Потом одну девушку, коротышку такую, заставили выпить сульфату бария для показательного обзора желудка.

"Редкий случай, - сказал рентгенолог. - Желудок-чулок. Посмотрите, какой он длинный - даже дна не видно, он спускается в малый таз".

Согруппница, и раньше меня не особенно привлекавшая, вообще перестала существовать для моего умозрения.

Сейчас-то я, конечно, наплевал бы на кишечнополостные чулки, но тогда было другое дело, всего лишь четвертый курс. Или третий? Не помню уже. Еще сохранялось подобие романтизма, не признававшее желудков.

Самозванцы

В книге "Под крестом и полумесяцем" я много рассказывал о моей заведующей отделением, преклонных лет женщине с внешностью и сознанием слабоумного мужчины. Для тех, кто не знает, скажу лишь, что она, ветеран труда и отдыха, поливала искусственные цветы и ругала фотообои за неправильно нарисованную березу.

И вот на днях, когда у нас дома зашел разговор о зачетах и экзаменах, я припомнил, что последний зачет, который мне суждено было сдать, состоялся четыре или пять лет назад. Он посвящался переливанию крови.

Беда была в том, что заведующая отделением считала это отделение хирургическим, ибо там долечивались больные, когда-то давно перенесшие операцию. Она вообще очень любила хирургию за наглядность результата, а всякую психотерапию терпеть не могла, хотя и рассказывала, как в молодости, орудуя на плавучей китобойной базе в Тихом Океане, загипнотизировала кольцом на ниточке моряка, заболевшего белой горячкой. "С тех пор я так и вешала табличку на дверь, - причмокнула она, роясь в приятной памяти. - "Тихо! Идет гипноз!"" Нашему отделению не полагалось знать тонкости переливания крови. Однако заведующая пошла и внесла наше отделение в экзаменационный список. "Вы разве переливаете кровь?" - осторожно осведомились у нее. "Конечно, - рассвирепела заведующая. - Мы каждый день переливаем кровь!"

Это была неправда. Нас не подпустили бы к этой процедуре и на пушечный выстрел. Я думаю, что заведующей что-то приснилось: знаете, в детстве, в лагерях отдыха особенно, устраивают такие переливания воды над дремлющим ухом. Переливают из кружки в кружку, пока блаженный сновидец не вообразит себе жидкие зрелища и не обмочится. Так вот и заведующую, не иначе, кусила какая-нибудь неразборчивая дракула.

Однако закорюка, нацарапанная заведующей лапой, была сродни Большой Круглой Печати из "Сказки о Тройке". Она обладала законодательной силой и моментально перевела наше отделение в разряд структур, ОБЯЗАННЫХ разбираться в переливании крови. И если кто из сотрудников в нем не разберется, ему будет плохо.

Так и вышло, что заведующая отделением сказала мне: "Пошли!" Сунула руки в карманы халата и, мелко тряся головой, зашагала к начмеду на зачет, и я зашагал. Начмед принял нас

приветливо - не тот, академик, про которого в хронике тоже много чего, а другой, хирургический: породистый розовощекий блондин лет пятидесяти, в хрустящем халате, при галстуке, отменно вежливый. Он пригласил нас сесть. Мы сели; он обратил ко мне доброжелательное лицо и задал первый вопрос.

Я нагло улыбнулся и молча пожал плечами.

Начмед развел руками. Я повторил его жест с зеркальной точностью.

- Давайте тогда с вами, - вздохнул начмед и повернулся к заведующей. Она сидела с бесстрастным и уверенным лицом. Я вдруг вспомнил, как учил ее компьютерному делу - по ее упрямой просьбе. За полчаса она овладела кнопкой "Power". Начмед помедлил, затем с извиняющимся видом сказал мне: - Я попрошу Вас выйти, если Вам не трудно. Мы побеседуем вдвоем... Вы понимаете...

Маврикиевна

У нас в институте был преподаватель физиотерапии. Вот интересно - вспомнил бы о нем кто-нибудь так, как я вспоминаю, прилюдно? Да ни за что, я уверен. А ведь всякий человек заслуживает памяти, разница только в ее масштабах.

Это был старец, видом своим и голосом наводивший на легкие подозрения в скопчестве. Хотелось направить его куда-нибудь на обследование, проверить на этот предмет. Тогда медицина была уже достаточно развитая, чтобы это определить.

Сидеть на его уроках было невыносимо. Мало того, что он долго и нудно рассказывал о вещах, нас абсолютно не интересовавших, так у него еще и было выражение из числа паразитов: "Ясно или нет?" Без всякого выражения, монотонно, не меняясь в лице, он ставил этот вопрос в конец каждой фразы. Кстати говоря, интересно: чем питаются слова-паразиты? С глистами, например, вполне понятно, их корысть очевидна. А вот чего искать слову в престарелом мозгу, пораженном склерозом?

Короче говоря, это самое "ясно или нет" было его визитной карточкой. Сослуживцы глумились над старцем. Бывало, придешь к нему за зачетом или еще за чем, по крайней необходимости, и просишь первого встречного его позвать. Встречный радостно голосит:

- Маврикиевна, на выход!

И он выбегал:

- Ясно или нет?

В общем, слушали его, слушали, пока не лопнуло терпение. Украли прибор: Электросон. Я в краже не участвовал, но был посвящен во все детали. Это было в крови у моих товарищей - спереть. Изуродовали, помню, дореволюционный фармакологический фолиант, выкусили из него главу "Героин" для домашних опытов.

Началось следствие. Явился декан, заклинал вернуть, угрожал, обещал помиловать за чистосердечное признание. Злодеи тупо молчали. Декан ушел, он знал, с кем имеет дело и какая публика собрались в этой группе.

Друзьям моим Электросон не пошел на пользу. Шли годы, а их здоровье продолжало неуклонно ухудшаться.

Пирация

В школьном вестибюле, на лавочке, широко раскинулась квашеная бабуля с первично добрым, но временно возмущенным, лицом. Она громко говорила. Привожу ее рассказ по возможности дословно.

"...кишки мне чистили, из кишок у меня полведра гноя выпустили (с этого момента я и стал прислушиваться к рассказу). Я все ходила к нему, ходила, а он мне написал направление пирироваться. Я своим ходом взяла такси, приехала, а он мне там говорит: я вас не возьму, у меня чистое, а вы гнойная. Я ему говорю: как же так? вы же сами мне дали направление. А передо мной были мужчина и женщина, с сумками. Женщина осталась, а мужчина с сумками пошел. А он взял мое направление и порвал, вызвал скорую и говорит: только никому не говорите, что это я вас отправил. И вот мы едем, я все смотрю: куда же это меня везут? И привозят на Богатырский, ну да! в эту мерзость! в этот свинюшник! Наорали на меня, я говорю: чего вы орете? Сунули в палату, в морозильник, там бабулька лежала с этим, с рожистым воспалением, и нарыв у нее на ягодице. Селедка на окне замерзает, селедка! Булку ели. Обед холодный! Второго - никакого второго! За весь день никто не подошел, а на другой день только вечером, у них оказывается пирации с семи часов, во как. В кресло затолкнули, на стол. Там подошел, спросил только, чем болела; я сказала: воспалением легких, и все, дали наркоз, я час ничего не слышала. А вот на Березовой, когда вторую пирацию делали, я все слышала!"

Почему-то она особенно негодовала на то, что не слышала.

Между прочим: ведь пирацию все же сделали! Поправилась! Выписалась! Вот так.

Обратите внимание на наше состояние

С появлением в свободном обороте настоек овса и боярышника поведение гостей и пациентов больницы все активнее разворачивалось в подражание песне "Обратите внимание на наше состояние". Вопреки любезному приглашению разделить их трогательное самолюбование, персонал подкладывал свинью. И не только им, а даже тем, кто вовсе не имел к больнице отношения, не знал о ней и не думал узнавать, и уж никак не рассчитывал в ней очутиться.

Вот, один ударился где-то, выпил - я не уверен в очередности событий; короче, заснул. Ехали, заметили, подобрали, привезли.

Он спит себе. Загрузили на каталку, повезли в рентгеновский кабинет фотографировать череп - на всякий случай, шишка же есть, да и пахнет противно. Так полагается. Отсняли. Череп - загляденье, такой бы каждому, ни трещинки, ни выбоинки. А раз такое дело, откатили его обратно в смотровую, в холодную, и там оставили спать, все так же на каталке. Проснется - пойдет домой. Побежит!

Сидеть же с ним рядом никто не будет? У врачей дела, у сестер - тем более. Вообще, в медицине есть железное правило: если привезли двоих, и один кричит, а другой молчит, то идти надо к молчаливому. Ну так и подошли же к нему! Теперь пора заняться крикунами.

Незнакомец успел подзамерзнуть, стал ворочаться и грохнулся с каталки прямо на каменный пол своим идеальным черепом. Каталка же, позвольте заметить, вещь не самая низкая, не детский стульчик. Пришли к нему часа через четыре, в порядке перекура, проведать. А он уже по температуре своего организма приближается к полу, на котором лежит.

Быстро поехали обратно в рентгеновский кабинет, сфотографировали череп - кошмар! кубик Рубика!

Ну, все дальнейшие услуги, которые ему оказывали, были сугубо ритуальными.

Началось разбирательство:

- Как-так?.. как прозевали черепно-мозговую травму?!...Во-о-о-от...

Никто и не зевал. Вот же снимок идеального черепа, без трещинки, без царапинки. Хорошо, не успели засунуть куда-нибудь.

Шубы

Мне припомнилась история, которой хвасталась наша преподавательница инфекционных болезней, на пятом курсе.

Это была странная женщина. Я никак не мог ее определить. Светлая кубышка без особого возраста; сказать, что дура - нет, не могу, но контакт не ощущался. Что-то далекое. Потом я понял, что за выпученными базедовыми глазами скрывается безумие.

Она рассказала нам именно о прожарке и сожжении. К ней поступили какие-то женщины, приехавшие с неизвестной хворью из Индии, где они прикупили очень дорогие шубы. Масло масленое - меховые, конечно. Что-то очень редкое и роскошное.

Узнав, что шубы отправятся в печь на дезинфекцию, дамы закатили истерику. Но слушать их никто не собирался.

В этом месте рассказа преподавательница оживилась Глаза ее засверкали пуще прежнего, и я понял, какого рода вещи доставляют ей удовольствие. Дальше дословно:

"Мы отняли у них шубы и положили в специальную камеру. Вы представляете, какая там температура? Через какое-то время мы вынули оттуда огромный сплющенный ком. И мы стали прыгать, плясать вокруг него и петь разные песни".

Диссиденты

Году, наверное, в 89-м, когда всякие разоблачения были очень и очень в цене, ко мне на прием явилась бабушка. Свои жалобы она начала с того, что назвалась жертвой сталинских репрессий. А я как раз закончил знакомство с "Архипелагом ГУЛАГ" и был настроен соответственно. Конечно, я сразу проникся к бабушке расположением. Я был готов сделать для нее все, что угодно.

- А старик-то мой, старик! - пожаловалась она. - Молодую себе завел!

Речь шла о человеке 70-летнего возраста. Как назвать то, что произошло дальше? Озарением? Клиническим мышлением? Не знаю. Я произнес очень правильную фразу, после которой стало ясно все.

- Вот вам таблетки, - сказал я. - Но только вы их ему не показываете.

- Думаете, может подсыпать что-нибудь? - охотно встрепенулась бабушка.

Я расслабился.

- Ну да, - я не стал ей возражать. - А перед этим загляните в желтое двухэтажное здание, которое во дворе.

Из двухэтажного желтого здания бабушка вернулась в сильнейшем раздражении. Мне пришлось перенаправить ее туда, но уже принудительно.

В общем, к иным мученикам совести надо присматриваться. Их, разумеется, много.

Но человек, который некогда явился ночью на еврейское кладбище, сделал себе обрезание и отправил обрезки в посылке Брежневу с припиской о том, что только что совершил политическую акцию - тот человек тоже мучился совестью.

Свиньи

В каждом человеке живет Зверь. Иногда это удав, иногда - волк, а бывает, что и киса.

Но чаще всего это - Свинья.

Свиней, вероятно, заставляют инкарнироваться в людей, что означает понижение в должности, наказание. И дальше астральная сущность так и катится под гору - пропащая душа в буквальном смысле этого слова.

Дело происходило в 1985 году, в Калининграде, где мы проходили врачебную практику. И мы показали себя настоящими врачами. Правда, основная демонстрация состоялась не в какой-нибудь больнице, а в общежитии. Причем сегодня, оглядываясь назад, я не вижу в этом общежитии ничего дурного. Самое обычное, ни в чем не виноватое питейное заведение.

Однако нам оно надоело. Практика, сколькими радостями она не сопровождается, вещь подневольная. Тебя заставляют сниматься с места и куда-то ехать, а там, на местности, еще и работать. Поэтому общежитие воплощало для нас систему принуждения в самом широком смысле.

Накануне отъезда случилось так, что в наших руках оказался ключ от соседней комнаты. Не помню, как это вышло. Наши товарищи уехали чуть раньше, сдали помещение комендантше, и комната считалась свободной, чистой и готовой к приему новых подневольных. Но ключ почему-то попал к нам. И мы, благоразумно опасаясь наказывать собственную, еще не сданную, камеру, решили отыграться на соседней.

По традиции, мы заправились коктейлем "Золотые Крылышки". Из чайника. В чайнике - три бутылки болгарского сухого вина, литр венгерского вермута, бутылка водки и бутылка ликера "Бенедиктин". Дальше не помню. Событий, конечно, не помню, ингредиенты помню. Частично могу восстановить по записке, которую мама нашла, когда разбирала мой чемодан: "Леха! Берем пять сухарей и один агдам для разгона". Потом взяли без пяти минут докторскими руками ключ и пошли в назначенное помещение.

Стекол мы не били, побоялись, но сметана в постелях была, и стул был привешен к люстре. Потом началась экспансия в коридор. Я лично (сожалею до сих пор) вылил ведро помоев в пианино, которое ежевечерне досаждало мне пытливым теньканьем. Потом в мужском сортире на третьем этаже была снята с петель дверь и выброшена в окно того же этажа, а в женском - разбита об колено раковина.

Утром же комендантша демонстрировала нам матрацы, заблеванные с пятого по первый этаж. Эти матрацы, как языки, вывешивали из окон не то на проветривание, не то на просушку. Я действительно припоминаю, что коллегу Мишу немного рвало. Спорить было нечего.

- Вас нюхать - закусывать хочется! - орала комендантша.

Но все обошлось, мы уехали целыми и невредимыми.

Потом, однако, в деканат пришло письмо с требованием провести расследование и всех расстрелять. Туда же комендантша прислала неосторожно оставленную в номере стенгазету "Собутыльник", куда наши товарищи-медики писали о своих впечатлениях от подруг и напитков. Впрочем, никто нас не тронул и концов не нашли. На следующий год меня снова отправили, но уже не в сам Калининград, а в Балтийск, на сборы. Правда, Оконный Блевун Миша, которого направили в другую зону, все равно мне крикнул:

- Леха! Покажи там этим писателям!...

Не привелось.

Гангстер

Гангстер был моим пациентом.

Удовольствие от этого общения я получал осенью 93-го года, когда заправлял хозрасчетным курортным отделением.

Гангстера положили ради денег, потому что к тому времени отделение уже дышало на ладан и катилось к неминуемой гибели. Никакого нервного заболевания, кроме махрового алкоголизма, у него не было. Моя начальница подружилась с ним, раскаталась перед ним в блин, легла под него (мои домыслы), возила его всюду с собой. В великодушии, причиненном белой горячкой, он пообещал вообще купить все здание с отделением вместе и сделать публичный дом со мной в качестве заведующего.

Как ни странно, он и вправду ворочал какими-то деньгами, что-то химичил.

Ходил в тройных носках трехмесячной выдержки, носил грязный свитер, выпячивал пузо, ел бутерброды с колбасой, небрежно относился к лечению. Развлекался в меру сил: воровал медицинские бланки и заполнял их на имя соседа по палате. "Общее состояние: желает лучшего. Кардиограмма: хреновая".

Часами просиживал в моем кабинете, глядел на меня рачьими глазами, чего-то ждал.

- А я сегодня убил человека, - вздохнул он однажды с порога. - А что было делать? Иначе бы он убил меня.

Было дело, мне понадобилось купить сотню долларов. Он торжественно выдал их мне и рассказал, что банк, которым он закулисно владеет, самый надежный из банков. Это был очень известный банк, но я не буду его называть. Его уже нет, по-моему.

В другой раз он, смеясь, посетовал на неприятности, доставленные ему милицией и госбезопасностью. Он допустил промах и взломал их базы данных - я не очень представляю, как он ухитрился это сделать, потому что в те годы даже не слыхивал про Интернет. Впрочем, люди его уровня уже, вероятно, имели в него свободный доступ.

- Приехали, - хохотал он. - Пушки вынули: "Ты что делаешь?!"

Наконец, гангстер открылся мне до конца. Оказалось, что он является членом тайной, глубоко законспирированной организации диверсантов, которых всего человек тридцать по стране. Еще в 70-е годы их специально готовили для совершения глобальных экономических преступлений. Об этом не знает ни одна живая душа, кроме меня. И мне теперь придется держать рот на замке.

А я-то его лечил.

Фитнесс

В человеке все должно быть прекрасно - так учил меня некий ушлый наставник, под началом которого я подвизался в одной жуликоватой компании.

Еще он учил меня выглядеть хорошо, даже если все плохо. И я разгуливал в пиджаке и галстуке, аккуратно причесанный и с улыбкой на устах, пока все не рухнуло. Мне еле удалось выкрутиться.

Наставник мой, не раз упрекавший меня за пессимизм и требовавший фитнесса, забрался выше, а потому и падать ему было больнее.

Подвел меня несколько раз, скотина.

Однажды явился на дом с жалобами на какую-то сыпь, улегся на диван - посмотри меня, дескать. Я в этом деле плохо понимаю, отправил его на консультацию к однокурснице, которая сейчас доцент на кожной кафедре. Договорился с ней, все культурно было, с отменной вежливостью. Но потом возникли претензии.

Эта скотина явилась на консультацию с полной авоськой пустых пивных бутылок. Опоздавши, мой бывший учитель не внял объяснениям про ученый совет и занятость. Он так, гремя бутылками, и явился в зал, где шло заседание этого ученого совета и стал выкрикивать мою знакомую, словно суку какую с балкона.

Ну, хотя бы диагноз поставили: чесотка.

В другой раз он подвел уже лично меня: позвонил мне в больницу, на дежурство, и, заливаясь слезами, попросил, чтобы я уложил его с сотрясением мозга, потому что ему нужно спрятаться, он что-то натворил. Мое сердце не выдержало, я сдался и велел приезжать. Он явился в полночь, едва держащимся на ногах. Он сразу бросился к конторке в приемном покое, где стоял телефон, бормоча: "один звоночек, одну только секундочку", и скоро заебал весь этаж. У него была пухлая записная книжка, раздувшаяся от телефонных номеров многочисленных кредиторов. Им-то он и звонил, с ними-то и передоговаривался о разных займах.

"Пошли, сволочуга", - я потянул его за рваный пиджак.

"Минутку. Минутку. Один звонок". Он было снова направился к телефону, но забыл номер. Тогда он повернулся к стене, прикрыл глаза, открыл обратно, вообразил себе расположение телефонных кнопок и начал тыкать пальцем в пустоту, пытаясь восстановить порядок цифр.

Я бросил его там, ушел. Его положили на травму и все

выходные названивали мне, язвительно указывая на мои дружеские с ним отношения, жалуясь на его круглосуточное телефонное и алкогольное безумие.

Потом он однажды пришел и, памятуя о фитнессе, обоссал мне диван.

И я его выгнал навсегда.

В каждом рисунке - солнце

Зашел в поликлинику, побродил. Нигде нет утешения, нигде. Вспоминал бомжа, которому в больнице делали пункцию, а он кричал: "В милиции бьют, и в больнице бьют!" Сущая правда.

Я не про докторов и всякое там чувствительное отношение, это ладно, с этим понятно. И не про клятву мыслителя, чья некрещеная душа по сей день в недоумении топчется у небесных врат, не разбирая входа, и расходует драгоценную Вечность на пустопорожние беседы с такими же античными умниками.

Я про настенные тексты и живопись. Уж здесь-то хоть можно подпустить оптимизма. Написать, например: "Будьте здоровы!", "Вы все когда-нибудь поправитесь!", "Ура!". Но ничего такого нет. Вместо этого пугают, например, по укоренившейся привычке, половой жизнью. На самое светлое, самое радостное заставляют взирать как на дизентерию, о которой речь рядом же. Нарисованы два силуэта, Он и Она - что может быть проще и чище? ан нет, силуэты наполняются зловещим значением. Больше не постреляешь глазами по прохожим женщинам, теперь пойдешь себе, глядя под ноги на туберкулезные плевки и раковые окурки.

Впрочем, иначе и нельзя. Надо напугать. То, что из меня в поликлинике сделали женщину, добавив к фамилии букву "а", уже лишнее, а так все правильно.

Помню, однажды, когда я еще учился в школе, мой отчим - пригородный доктор - поручил мне нарисовать плакаты о вреде пьянства, для больницы. В коридоре повесить.

Я нарисовал, запомнились два. На первом Три Богатыря сражались с зеленым Змием Горынычем. И в этом бою терпели полное поражение: лежали вповалку, и скифские вороны кружили над их бездыханными телами, и за лесами угадывалась безутешная Василиса-Ярославна. По моему замыслу, богатыри сами нажрались, вот и пали героической смертью.

На втором плакате огромная улыбающаяся змея заглатывала печень ошеломленного обывателя.

Получилось очень красиво, с изобилием мелких деталей.

Тут пришел знакомый нашей семьи, мельком взглянул на мое художество. Разочарованно сказал, имея в виду собирательного алкоголика:

- Ему это что! И непонятно, и неинтересно. Ему милиционера нужно показать...

Муравейник

Вот как было на одной подстанции скорой помощи.

Есть там такой порядок: когда поступает вызов, диспетчер объявляет время поступления заявки и фамилию доктора, которому ехать. Например: одиннадцать двадцать, Смирнов. Двенадцать тридцать, Иванов.

Вот он и объявил:

- Тринадцать сорок, Муравьев.

Качаясь, вышел фельдшер.

И забормотал:

- Ничего не понимаю. Почему - тринадцать сорок муравьев? Должно быть четыре тысячи... четыре тысячи... сто... двадцать муравьев! Муравьев же четыре тысячи сто двадцать!

Он ошибся, когда перемножал числа, чтобы сосчитать муравьев.

Фактор страха

Продолжим про скорую помощь. А то я слишком увлекся тягостными рассуждениями и скучными воспоминаниями.

Мой давнишний приятель, проработавший там не один год, рассказал поучительную историю про своего заведующего.

Этому заведующему просто не везло, и был он слаб. Какой-то зелимхан гонялся за ним с ножиком, ловил, брал за шкирку, приподнимал, возглашал: Аллах Акбар! И ждал ответа.

Но пусть бы зелимхан, ему простительно - родной фельдшер занимался тем же самым, разве что Аллаха не поминал. А может, и поминал. Гонял его, пьяный, и тоже ножом угрожал. Заведующий не стерпел, написал заявление в милицию. Милиция заведующего знала слабо, зато всех остальных - очень хорошо. Приехала, попросила: забери заявление по-хорошему!

Тогда заведующий написал рапорт начальству, но начальство не стало его слушать и выгнало вон.

А подчиненные тем временем вырыли во дворе ему могилу, принесли венок. Приятель мой еще удивлялся: приходит на службу из последних сил, еле идет - и на тебе! могила! собака, что ли, местная сдохла?

Короче говоря, заведующего уволили. Он не смог справиться с фельдшером, а такого не прощают.

Пришел новый заведующий. Усадили его за стол, выпили с ним, ударили по плечу, сказали:

- Ты хороший парень. Мы тебя будем любить. Но запомни: на каждого заведующего найдется фельдшер Анищенков!

Антисептика

Мелкое, из тысячи ему подобных описание лечебного визита. Предоставлено очень нормальным доктором со скорой, не пьет, десять раз подшивался - в общем, свой человек. И фельдшер у него был продвинутый.

Приехали они по вызову в богатый дом. Ну, что тут рассказывать. Всего в этом доме было много - зеркал-хрусталя, изысканной пищи, напитков и прочих прекрасных вещей. Хозяйка разбила бутылку коньяка и поранила руку, вот и вызвали доктора.

Опытным глазом доктор приметил неуместную пачку беломора, приютившуюся на столе, с краю.

- Ага, - сказал доктор.

Рану обработали.

- А самое лучшее - немного присыпать конопляной пыльцой.

Муж бросился к шкафам и буфетам, распахнул дверцы, стал вываливать разное барахло, в том числе - мешки, набитые травой, что тоже неплохо, но он искал пыльцу, и нашел.

Доктор после, упреждая домыслы коллег, строго докладывал:

- Каждый курил свой косяк, никаких "по кругу". И "пяточку" мы не ломали!

Хозяева и бригада обсадились в мат. Медработники сожрали все, что было в доме, и выпили весь коньяк.

Я этот случай пересказал потому, что нам, похоже, напрасно твердят о вреде всяких наркотиков-коньяков. Потому что бригада сразу поехала на новый вызов.

Ну, напутали там немножко. В смысле адреса и человека, в больницу свезли, а он просто участкового доктора ждал. Это ерунда.

Педиатрическое

Мой приятель со "скорой" однажды попал в детскую больницу. Не сам, конечно, по службе. Я недавно писал про детскую больницу, но то была больница инфекционная, там все иначе, а эта - общего профиля.

Приятель мой, вообще говоря, взрослый доктор, на детские вызовы не ездит. Поэтому впечатлился. А вызвали его в общежитие, где поселилась группа школьников из города Саранска, которые приехали на экскурсию. 13-14 лет.

Детки, понятно, обожрались окончательно. Ушли со второго акта "Лебединого озера", прикупили водяры. По бутылке на двоих оказалось многовато, одного пришлось везти в стационар, заблевал по пути всю машину.

Так вот: оказавшись в детской больнице, товарищ мой решил, что он попал-таки в больницу взрослую, типа 26-й на улице Костюшко. А то и похуже, вроде взрослой травмы. Идет мимо боксов, и только в одном из них мама какая-то сидит с грудничком, напевает ему баюшки-баю. Зато в остальных - страшные, вполне взрослые, хари; ломки, абстиненция. Кто-то приплясывает после экстази, кто-то хищно скалится. Заматерелые, как он выразился, подростки, все весьма свежеотпизженные.

Вышла пьяная сестра. Куда положить больного? Там и коек-то нет в приемном подходящих. Почему-то. Странно, уже пора было обзавестись.

- Давайте на столик для пеленания, - предложил мой товарищ.

- Упадет, упадет, - запричитала сестра, совершая преувеличенные маховые движение.

Нос

Поведение финнов, посещавших нашу культурную столицу в былые времена, хрестоматийно и общеизвестно.

За экстрим нужно платить.

Один такой финн приехал и не придумал лучше, чем дразнить собаку окурком. А может быть, он учинил над ней еще что-то, не помню. Отечественная собака возмутилась и откусила ему нос в аккурат по линии Маннергейма.

Финна поволокли в районную больницу города Всеволожска, что в тридцати километрах от Питера. Там на него посмотрели косо: лоров отродясь не держали, а потому не были уполномочены прилаживать обратно заслуженно отчекрыженные носы.

Начали выяснять, какое лор-отделение дежурит по городу. Выяснилось, что в 26-й больнице такое отделение не смыкает глаз. Нос бросили в целлофановый пакетик и вместе с финном в качестве приложения повезли через весь Питер в эту самую больницу.

Там, понятно, было невпроворот своих дел. Суетились да прилаживались часа три. Потом потеряли нос.

Холодный душ Шарко

Я не переношу литературную критику. На мой взгляд, это совершенный паразитизм. Имеешь мнение - ну и имей, ты такой же читатель, как все, но ты предпочитаешь навязать его миру, да еще денег за это срубить. Волею обстоятельств, вознесших тебя и давших тебе рупор. У других-то рупора нет, а у тебя есть.

Меня дважды в жизни подвергали уничтожающей литературной критике.

Она пролилась холодным душем.

Первый случай был на третьем курсе, когда я начал изучать терапию. Нам приказали написать первую в жизни историю болезни, от и до. Ну, я и написал, странички две. Объем, между прочим, вообще не оговаривался. Так после этого наш педагог взял мою тетрадку двумя пальцами и воскликнул, потрясая ею не без брезгливости:

- Вопиющее убожество мысли!

Второй эпизод произошел в больнице, о которой я часто пишу. Историю болезни, уже настоящую, приволок начмед, весь красный от негодования:

- Вопиющее убожество стиля! - захрипел он.

Я оправдывался, говоря, что писал под диктовку заведующей, но он не слушал, и был прав. Копирайт оставался за мной.

Таких вещей я не прощаю.

Отомстил. Сделал своим документальным героем. А моим героям приходится несладко.

Козы и катыши

Однажды мне прописали гомеопатические горошки. Несколько наименований.

Хавать их почему-то стыдно.

Хотя я давно примирился с существованием гомеопатии. Вообще, я думаю, что в нее поверит любой, кому случалось похмеляться, потому что эффект подобия получается очень мощный.

Лет десять назад я даже пробовал учиться гомеопатии. Я тогда, оголодавший в поликлинике, хватался за все - за иглы, за сексопатологию: авось, пригодится. Черта с два, ничего не пригодилось. И за гомеопатию тоже схватился.

Ходил на дом слушать бесплатные лекции старейшего гомеопата Питера. Была такая старушка, очень милая, устраивала чтения и слушания из чистого альтруизма. Правда, с головой у нее уже было не очень. Один раз я пришел, а у нее все лицо разбито, словно отбуцкали. Но она, конечно, просто упала на улице, как это бывает со старыми людьми.

Никаких тайн она не открывала. Просто читала про всякие снадобья из книг, которых у нее было полным-полно.

Я все записывал, но к записям так ни разу и не вернулся. Все, что запомнил, это один симптом: "Козы".

- Бывают козы, - строго говорила старушка, глядя поверх очков.

Это в смысле козявки.

Гомеопатом я не стал, но искра запала. Меня только одно смущает: у всех этих катышей одинаковый вкус. Что мешает насыпать их из одного мешка, как крупу?

Малый Апокалипсис

Я уже как-то писал, что при советской власти о людях, как ни странно, заботились больше.

Все и всех волновало. Как он там? Что делает? Чем дышит? Не разложился ли?

Помню случай, совершенно немыслимый в наше время.

Я работал в поликлинике; год, если не путаю, был не то 88-й, не то 89-й. Повадился ко мне на прием один тип черт-те с чем. Не то он ударился головой, не то простудил себе шею - неважно. Главное, что он ходил и ходил. И весь был какой-то смурной, но прицепиться не удавалось. Болезнь его казалась неизлечимой, но я не расстраивался: гнал, да гнал ему больничный.

На четвертой неделе моя начальница, которая эти больничные продлевала, не вытерпела. А он как раз не явился почему-то. Призвала она меня к себе и строго приказывает: едем.

Так, прямо с приема - она со своего, я со своего - мы и поехали, к великому унынию очередей. Это было названо активным посещением на дому.

Вышли, как сейчас помню, из машины во двор. На улице я всегда себя чувствовал неуютно в халате, зато начальнице - хоть бы хны. Не только в халате, но и в чепчике, с мерой в руке, очень суровая. Поднялись к больному, дверь не заперта, он лежит на диване. Мы показались ему белыми ангелами смерти, что, в общем, соответствовало действительности.

У стены в его комнате стоял невиданный агрегат. Мне никогда не встречалась емкость для браги под потолок ростом. С краном. На треть опустошенная.

- Постойте, постойте, - захрипел он.

Мы вышли.

Возможно ли нынче такое участие? Не верится. Никто не посетит, не отругает, не выпишет на работу.

Семь колец пещерным гномам

20-е января. Может быть, 21-е. Или 17-е.

Стандартный однокомнатный гоблинарий.

Следы обоев на стене.

Вызвана лечебно-профилактическая бригада.

Из комнаты выползают люди, человек 20 - чтобы освободить место. Кто-то ходит, кто-то нет. Кого-то выносят. Больного и вовсе не видно, его накрыли единственным в дому одеялом. Он там лежит тихонько.

Доктору все интересно. Что это, дескать, за люди вокруг?

Люди, выясняется, празднуют Новый год.

- Чем же празднуете?

- Вот - "Льдинка", даже семьдесят второй портвейн есть, вместо шампанского.

- А что больной? - строго, с каменным лицом спрашивает доктор. - Выпивает? - (как бы в уточнение такое).

У больного, оказывается, случились судороги с похмелья.

Доктор:

- А-а... Ну и на хуй его.

Тут вылезает вредная бабка-синяк, лет 25-ти. С подковыркой:

- А у меня вчера муж умер. А вы не успели!

- Ну и хуй с ним.

- Как это - хуй? Мы с Нового года уже семерых похоронили!...

Мой дельтаплан

Я настороженно отношусь к отчаянным людям, любящим риск и берущим города своей смелостью.

Один такой маленький город, именем Сестрорецк, был взят подобного рода смельчаком.

Погода не располагала к подвигам - а может быть, совсем наоборот, очень располагала. Был конец ноября, штормовое предупреждение, мокрый снег. За окнами - кромешная тьма, ветер и стужа. А перед окнами - я, мыкавшийся на дежурстве.

Я всегда знал, что без крайней нужды, без вызова, в приемник спускаться нельзя, потому что сразу найдется занятие. Но делать было совершенно нечего, читать не хотелось, играть в "Цивилизацию" надоело, и я спустился. Без дела, разумеется, не остался.

Смельчак ворвался на дельтаплане в самую гущу бушевавшего подлеска. Супермен проломил себе череп и сломал пятки. От него сильно пахло недорогим ракетным топливом.

По поводу черепа он не особенно переживал, и правильно, а вот о пятках сокрушался. "Кабы не ноги, - канючил он, - встал бы и пошел домой".

Утром я отправился к начмеду докладывать о происшествиях.

Я говорил, а тот доброжелательно кивал.

- Да, - сказал я в конце, - вот еще дельтаплан...

Лицо начмеда побагровело, кулак врезался в стол:

- Как?!... Опять дельтаплан?...

Фарид и Вольков

В каждом институте среди ученых и педагогов найдется зоологическое чудовище. Обычно их несколько, а у нас вообще было много. Одним таким чудовищем был акушер Волков, состоявший в чине доцента.

Это его я рисовал рождающимся через чугунный таз в помойное ведро.

Он был маленький, коренастый, насупленный, с гитлеровскими усиками. Колпак надвинут по брови. Нижняя губа выпячена. Не соображал ничего. Однажды выступал с докладом перед опытными докторами, и матушка моя там была. Так она его только что не выматерила, а он лупал глазами, и все ему по сараю. Доложил, что перевел роженицу с отошедшими водами в дородовое отделение, потому что, дескать, нет схваток. Ну, нету и комментариев.

Зато он назубок знал биомеханику родов. Это очень сложный предмет, сплошная стереометрия с углами да разворотами. Никто не мог толком этого запомнить. Волков лютовал, носил с собой искусственный женский таз и "куклу-аркашку", которая погрязла в бесчисленных инкарнациях. Меня зарезал, и других тоже убивал.

Его очень боялся наш иностранец, Фарид из Туниса, похожий на фотогеничную обезьяну. Фарид работал в Тунисе барменом, и совершенно непонятно, зачем он приехал в 1-й медицинский институт. Один верзила из будущих, но в итоге не состоявшихся, докторов регулярно притискивал его, имитируя совокупление. Фарид бился, таращил глаза и восторженно верещал.

"Кто будет принимать? Вольков?" - дрожал Фарид.

Сидим мы с ним, стало быть, в коридоре, ждем пересдачи. Гадаем, как всегда: кого пришлют.

"Вольков придет", - говорю я Фариду. Пугаю.

Тот прикрывается локтями, округляет рот, суеверно бормочет:

"Ох, Вольков, Вольков".

И тут верно: идет сам Вольков, не глядя ни на кого, с тазом и "аркашкой" в руках.

Фарид потом не стал доучиваться, махнул рукой. Уехал обратно в свою африканскую рюмочную.

Социальный дарвинизм

Отчим мой - невропатолог настолько продвинутый, что лечит не только людей, но и зверей. Бывают же безвыходные ситуации, правда? Он разберется в ком угодно, и если ему не носят хомяков, то это лишь потому, что не знают, что можно нести.

Однажды к нему доставили шимпанзе с подозрением на менингит.

И все состоялось чудесно.

Безотказный отчим взял молоточек, стукнул человекообразное по колену.

"Гу! Гу! Гу!" - заухал шимпанзе, отдергивая ногу и выпучивая глаза.

Этим он лишний раз подчеркнул свое человекообразие. Очень многие пациенты делают то же самое. Причем заранее не угадаешь, кто заухает, всегда приятная неожиданность.

Варангер-фьорд

Военного доктора из меня так и не вышло, хотя государство очень старалось и даже оплатило мне билет в Североморск, чтобы я развивался. Туда даже пригнали радиоактивную лодку "Комсомолец", но припозднились, и я уже успел свалить. Целый месяц нам читали разные лекции, которые на деле мне нисколько не пригодились. Мне совершенно напрасно рассказывали про отравление компонентами ракетных топлив и декомпрессионную болезнь, не говоря уже о сортировке санитарных потерь. Оказалось, что вынужденное бездействие бывает куда полезнее. Месяц прошел, и меня отправили на практику. Кто-то решил, что наилучшего опыта я наберусь у норвежской границы, в микроскопическом местечке под названием Лиинахамари, где Варангер-фьорд.

Явившись, я увидел в заливчике тройку доисторических подлодок. Улыбаясь, я отрапортовал майору медицинской службы, что являюсь начальником медицинской службы надводного корабля. "А у нас таких нет", - майор улыбнулся в ответ и развел руками. После чего списал меня в гарнизонную поликлинику, на амбулаторный прием. Желающих показаться мне не было, хотя слух о серьезном докторе из самого Питера разлетелся быстро: спешите! всего несколько представлений! всю смену на арене. Мне удалось сделать одно доброе дело и уложить в больницу города Никель одного бедолагу с радикулитом, которого третий месяц гробили анальгином. Сегодня, правда, оглядываясь на свой больничный опыт, я начинаю сомневаться, что поступил правильно. Больница Никеля почему-то не внушает мне особого доверия.

Все остальное время я валял дурака.

Проглатывал три или четыре колеса седуксена и ложился в семь часов вечера. Седуксен я пил потому, что меня, за неимением лучшего, поселили в зубоврачебном кабинете, и я спал полулежа, в зубном кресле. Моя нелюдимость и склонность проваливаться в небытие сильно удивляли моего денщика - да, ко мне приставили матросика и велели ему за мной присматривать, носить мне чай, будить меня, и так далее. Хороший был паренек, простой. Он искренне хохотал, глядя в телевизор, где под Ласковый Май танцевал дрессированный медведь. "Пусть в твои окна светит беспечно розовый вечер", - пел телевизор. "Жопой-то, жопой крутит, " - смеялся денщик. Я мрачно следил за обоими из-под полуприкрытых век. Пока однажды, в воскресный день, он не ворвался ко мне с диким криком, зовя на причал.

Я, холодея, бросился к морю. Я отлично понимал, что если что, мне придется принимать самостоятельное решение. И мои худшие опасения подтвердились. При погрузке подводной лодки сломался какой-то кронштейн, и груз весом в семь центнеров рухнул в люк, прямо на мичмана.

Мичмана извлекли. Глаза его плавали в разные стороны, и он уже почти не дышал. Мне повезло, что я не принял никаких мер и не оставил никаких записей. Меры и записи уже не требовались. Я тупо стоял над мичманом, попеременно глядя то на него, то на аптечную сумку, приволоченную денщиком. Если бы я сделал нечто заполошное и бессмысленное - вколол бы ему, скажем, что-нибудь - то после не отмылся бы вовек. Но травма была несовместима с жизнью, и я стоял.

Тем временем кто-то позвонил в деревянный госпиталь, находившийся в километре от базы. Примчалась машина, мичмана увезли. В госпитале дремали без дела такие же подневольные, как и я, питерские реаниматологи, мои товарищи по беде. От нечего делать, когда мозг несчастного мичмана уже давно перестал работать, они запустили ему сердце. И Северный Флот встал на уши, разыскивая смельчака, который взял бы на себя ответственность и написал: отключить аппарат.

Масоны

Много лет мне не давали покоя любители уринотерапии. Я лично знал некоторых, употреблявших чудесную влагу наружно и внутрь.

Мне всегда казалось, что за этой склонностью кроется нечто большее. И только недавно я ни с того, ни с сего догадался: эти люди обретают свою, как выражаются психологи, идентичность.

К закату моей медицинской карьеры я уже набрался достаточного опыта, чтобы сразу определить, кто в принципе согласится на уринотерапию, а кто - нет. Ну, и тех, конечно, кто уже согласился. По особому блеску в глазах и томику Малахова на прикроватной тумбочке. Блеск всегда бывал с оттенком вызова. Казалось, что эти люди мысленно зачисляют себя в тайную мочевую ложу. Общедоступный и недорогой способ снискать особость, раз уж другие пути заказаны. Ощутить себя неким единомышленником, хотя вопрос о мышлении остается открытым.

Тем более, что обычный социум не принимает этих людей. Получается настоящая дискриминация, так что отверженные давно заслуживают отдельной агрессивной партии. Ну, если не партии, так хоть парады могли бы себе выторговать. Ходили бы, да утверждались, вместе с босыми последователями Порфирия Иванова.

У матушки на работе была одна такая сотрудница. Садятся доктора с утра попить чаю, печенье достают всякое, котлетки на хлебушке. И эта подсаживается с краю, ставит стакан, наполненный до краев. Понятное дело, ее не приветствовали. Матушка моя - она так прямо и посоветовала ей соответственно закусить.

Одна снежинка - еще не снег

К одному известному сексопатологу пришел на прием один же майор. Майора трясло, он был бледен и чуть не плакал.

Будучи в командировке, майор познакомился в поезде с доступной и симпатичной барышней. Быстро созрел маленький железнодорожный банкет. За банкетом последовала камасутра дальнего следования.

Утром майор продрал глаза и увидел при барышне вопиющие первичные половые признаки. Барышня, если уместно так выразиться, была барином. С нею вышла незадача, как пелось в песне.

И вот поэтому майор, на части разваливаясь, примчался к сексопатологу. Его мучил вопрос: гомосексуалист ли он уже или еще нет?

Был вкрадчиво обласкан и успокоен: если один раз - это ладно.

Готовь сани летом

В гинекологическое отделение явилась древняя бабушка. Она попросила справку, в которой нужно было написать, что у нее богатырское гинекологическое здоровье, а скверных болезней нет совсем.

В справке ей, конечно, отказывать не стали, но осторожно осведомились, зачем такая бумага нужна.

Бабушка объяснила.

Оказалось, что она пустила к себе студента, сдала ему комнату.

Готовь сани летом.

"Вдруг ему захочется, да он побоится? А я ему справочку на видное место и подложу".

Вот едут партизаны

В далекие и милые времена у меня были зачаточные способности к рисованию. Но если литератор во мне кое-как родился, хотя и разгуливает ныне с остатками детского церебрального паралича, то художник скончался. Я сам его погубил, сбежав в пятом классе из художественной школы, где всю мою живопись беспощадно смывали губкой. Умерший плод, разлагаясь, начал отравлять мне мозги на лекциях. Мы с товарищем - тем самым доктором со скорой, о котором я часто рассказываю - конечно, не только рисовали. Еще мы играли в балду и в крестики-нолики. Но чаще занимались бесконечным циклом рисунков, посвященных 40-летию Великой Победы. Мы ничего не имели против Победы, мы полуосознанно реагировали на победные трубы, сурово гудевшие со всех сторон.

Основными персонажами наших картин были партизаны. Вернее, это были не совсем партизаны, а нечто промежуточное между ними и водопроводчиками: ватник, валенки, ушанка, надвинутая на глаза, обязательная борода. Началось как раз с пролетария: приятель нарисовал одного такого, с заткнутым за ремень отбойным молотком, и молоток имел фаллическое продолжение. Он назывался "прибор "Мастурбатор"". А дальше рабочий размножился в бесчисленных партизан. Как правило, все они были карликового роста с несоразмерными половыми органами. Наши художества были пропитаны культом фаллоса, как будто мы насосались древнеегипетских настроений. С десяток партизан мы, например, пустили на бигуди: была нарисована огромная женщина, и в волосах у нее сидели эти самые мужички так, что пряди накручивались на естественные стержни. А один играл роль губной помады.

Потом мы создали целый цикл под названием "Роды в партизанском лесу". Ужасная баба лежала на телеге, на огромном животе сидел партизан; второй партизан, упершись валенком в промежность, вытягивал за уши потомство; третий, анестезиолог, вставил ей в рот воронку и вливал наркоз и сорокаградусной бутыли. Под телегой, свернувшись калачиком от страха и прикрывая глаза лапами, лежала собака. Другая картинка изображала отделение последа: та же баба довольно приплясывает, а к свисающей пуповине привязан кирпич; рядом партизан, с сытым и радостным лицом играет на гармошке.

Понятно, мы рисовали не только партизан, были и другие сюжеты с неизменным пенисуальным радикалом. Богатая дама в соболях приходит домой и отпирает дверь маленьким мужичком-

ключиком. Вильгельм Телль стреляет из лука по мальчику с яблоком на макушке; вместо стрел - фаллосы; Вильгельм Телль уже промахнулся, одна стрела торчит у мальчика изо рта. Дорожный рабочий мучается приступом мочекаменной болезни: кривясь от боли, он извергает булыжники в большую тачку. Два фаллоса, с табличками "гор." и "хол.", изображают пивные краны в пивбаре; рядом - закусочный набор: бутылка водки.

В итоге мы добились известности. Некий финн, учившийся с нами на курсе, всерьез предлагал вывезти все это дело в Финляндию и там опубликовать. Но мы не решились: годы были еще так себе, 84 и 85. А закадычный мой друг, когда я показал ему всю папку, заявил, что не знай он меня, так решил бы, что это рисовал глубоко больной человек.

Падения и выпадения

Знакомый гинеколог негодовал. Ему пришлось дежурить в корпусе, который он сильно не любит. Мало того: ему не дали выспаться - в три часа ночи доставили юную особу с предварительным диагнозом "выпадение стенок влагалища".

Какая, позвольте, надобность приезжать с этим в три часа ночи? И что такого может выпасть на заре туманной юности? Я понимаю, в почтенном возрасте, в преклонных годах - это да, это заслуженное заболевание. А тут?

Ничего у нее, разумеется, не выпадало, просто трахаться надо меньше, а то все распухло,

На моем дежурстве тоже был похожий случай. Дежурил я в новогоднюю ночь с 1997 на 1998 год. Изумительное выдалось дежурство! Никого! Тихо! Радостно!

Опасаясь неожиданных пакостей, мы с другом-урологом не особенно напились. Но к пяти утра уже покачивались. И тут, в эти самые пять утра, заявляется хрупкая барышня и жалуется на то самое, что так и не выпало у первой больной. Дескать, болит. Спрашиваем: давно ли болит? Уже неделю. Самое время показаться.

Новый год, раннее утро. С наступившим!

Матка-яйки

Владимир Ильич был прав, конечно, когда распространялся о чистоте русского языка и возмущался словом "будировать". Однако лингвистическая самобытность в последнее время меня достала. Сию вот минуту натолкнулся на разъяснение переводчиком умного слова "галакторея". В скобках, хотя его никто не просил объяснять, потому что текст специальный, он написал: "избыточное молокоотделение". Уж и не разберу, какие мысли приходят в голову - не то об отделении милиции, не то о больничном. Наверное, я придираюсь, глаз замылился. Наверное, написано правильно.

Правда, заимствование обыденных образов для описания вполне научных вещей раздражает многих, хотя считается признаком умудренности, принадлежности к старой школе, намекает на опыт и благоухание седин. Это славянофильство, конечно, бесит западников, которые не помнят родства. А то и похуже кого распаляет.

Матушка моя, помню, рассказывала о старушке-доцентихе, под чьим началом она начинала работать в родильном доме. Эта старушка не признавала современную систему мер, сантиметры и миллиметры ее не устраивали. Она требовала, чтобы молодые доктора писали в истории болезни: "матка величиной с куриное яйцо". Далее, по мере созревания плода: "матка величиной с утиное яйцо", "матка величиной с гусиное яйцо".

Маменька моя не сдержалась, написала в итоге: "матка величиной с яйцо крокодила".

Хлопци-кони

Врачебные ошибки не всегда обходятся дорого. Бывает, что получается сплошное добро и даже благо.

Однажды областная карета скорой помощи с гиканьем и свистом выехала на острою задержку мочи.

Время суток было темное, деревянные домики казались одинаковыми. Поэтому наездникам было простительно эти домики перепутать.

Ворвались в одну избу, очень строгие. Без слов. Возле печки лежала древняя бабушка. Мгновенно выпустили ей мочу и растворились в ночи.

Притихшая, опытная бабушка, так и не раскрывшая рта, была потрясена таким вниманием.

Про молодость, которая не знала, и про старость, которая не могла

В дохтурском деле часто ощущаешь себя силой, что вечно хочет блага, но вечно совершает - ну, не то чтобы зло, но и не совсем добро. Дело не в том, что пропишешь какую-то неправильную гадость или зевнешь что-нибудь смертоносное: оно, быть может, было бы и к лучшему. Бывает, что сделаешь все замечательно, а получается вред.

Когда я студентом проходил хирургическую практику в городе-Калининграде, у меня в палате лежала одна бабуля. До неприличия грузная, и дело ее было плохо. У нее развилась гангрена левой стопы, потому что сосуды уже не годились ни к черту, особенно на ногах: забились наглухо.

Так что на ученом совете дружно придумали эту ногу отрезать всю, целиком.

Заплаканные родственники бабули бродили по коридору и мысленно - а может, и на словах - с ней прощались.

Мне даже довелось поассистировать на операции. Сейчас не вспомню, что я делал; наверное, держал крючки, как это принято, да еще шил, а ногу пилил настоящий опытный доктор, специальной пилой.

Короче говоря, все мы думали, что бабуле конец. Не в тех она находилась годах, чтобы ноги резать, да еще наркоз, штука нешуточная. И что же вышло? Бабуля резко пошла на поправку. Оно и понятно: во-первых, не стало гангрены; во-вторых, она лишилась значительной своей части, в которую какие-никакие сосуды, а все-таки гнали кровь. Теперь эта кровь бодренько поступала к жизненно важным органам, и сердце у бабули заработало очень неплохо, и голова прояснилась.

Загрустившие было родственники мигом насторожились. Вместо положенной по замыслу благообразной покойницы они приобрели одноногое внутрисемейное приложение. А наследство уже поделили, прямо в коридоре. Вот так. Смотрели волками.

Вообще, бабули - публика крайне непредсказуемая. Вот еще один хрестоматийный случай, который давно уже сделался профессиональным анекдотом. У нас эту историю связывали с одним хирургическим профессором, веселым малым, который, как напивался, любил швырять в потолок помидоры. Приходит он в палату с обходом, балагурит, смеется.

- Ну что, бабушка, просралась? - спрашивает бабушку, которая под одеялом.

- Просралась, голубчик, просралась, - кивает бабушка.

- О, да ты работаешь? - удивляется профессор, глядя в историю болезни. - В институте! И кем же, уборщицей?

- Да нет, профессором.

Наверное, вранье все это.

За спичками

За наркотиками, если по правде.

Коллега мой, да с ним - заведующий больничной аптекой поехали за наркотиками. Так получилось, что для больных.

Поехали на простенькой "копейке", автоматы забыли, бронежилеты в стирке.

Это при том, что несколькими днями раньше приезжала комиссия и спрашивала: "Ну, я надеюсь, вы наркотические препараты перевозите в броневике?" Больница утвердительно кивала.

Собственно говоря, история не об этом. История о том, как заведующий аптекой попросил притормозить эту отважную "копейку" возле Управления Пожарной Охраны. Он лицензировался, и ему надо было отдать какую-то бумагу.

- Просто отдать, - успокаивал он доктора. - Минута! Секунда!

Пять минут - его нет. Десять - нет. Двадцать - нет.

Идет, наконец, весь злой, бормочет что-то свирепое в бороду.

- Что? Что такое?

- Они, суки, ногти накрасили, бумагу не взять!

Должностное несоответствие

Иногда можно слышать: да мы с ним под одной шинелькой!... да двести ведер выпили на пару!... а он!...

Или - она, но в итоге неизменно: оно.

Люди забывают, что в каждом - бездна, и от шинельки выходит только вред, потому что она эту бездну дополнительно маскирует.

Знал я одного доктора-хирурга. По замашкам и повадкам он был совершенный Пьеро, унылый и безобидный. Печаль его была столь глубока, что уже напоминала депрессию, которую лечат. А может быть, и была ею. Грустный, потерянный человек, подкаблучник у стервы, как я понимаю, жены, непьющий, малорослый, трудоголик и бессребреник. Иногда его, конечно, заносило, но кто без греха. Однажды он с серьезной миной делился в приемном покое своими опасениями: был у женщины и удовлетворил ее десять с половиной раз, так теперь беспокоится, не станет ли она его презирать за недосброшенную половину.

Опытные сестры приемного покоя, знавшие, что и один раз сомнителен, слушали его, затаив дыхание.

Так вот: этот скорбный доктор в тяжелые времена пошел работать охранником. Какое-то время он-таки поработал, а потом от его услуг отказались. Потому что он не сдал зачет.

На том зачете проверяли действия в экстремальных ситуациях. И доктор неизменно начинал с пули в голову, на поражение, без предупредительного выстрела.

Его отчислили за жестокость.

Апгрейд

Чем таким авторитетным, весомым располагает доктор-невропатолог?

Ни скальпеля, ни трубки-удавки, ни зеркальца во лбу, ни прибора какого.

Один лишь молоточек.

Профессору еще полагается камертон, так на то он и профессор. Простому доктору, особенно при профессоре, ходить с камертоном нельзя.

Вот и облизывает этот доктор свой молоточек, тешится с ним, усовершенствует, меняет, устраивает апгрейд. Потому что молоточки бывают разные. Есть обычные - палка да резиновая колотушка; есть и посложнее: со встроенными иголочками и кисточками, которые вывинчиваются - для проверки разной чувствительности.

Один доктор очень хотел именно такой продвинутый молоточек. Задаром, конечно. А тесть у него работал в зоне, с уголовниками. Ну, и говорит: какие проблемы? Сделают тебе молоточек. Задаром. Пара листов нембутала - не деньги. Только чертеж нужен.

Начертили чертеж.

Чертеж умельцы видели, но не очень поняли, зачем это надо. Выбрали опцию по умолчанию. Изделие получилось добротное. Во-первых, молоточек был очень тяжелый. Им можно было по-настоящему убить до смерти. Во-вторых - само собой разумеется - у него была очень красивая рукоятка, фирменная, наборная. Ну, и наконец - иголка. Мастера сочли иголку предметом непрестижным. И встроили в молоточек нож.

Бильярд в половине десятого

Возможно, что в половине одиннадцатого или даже двенадцатого. Доктор дежурил и не запомнил. Это немецкому Беллю с его педантизмом простительно засекать время, а наши счастливые часов, как известно, не наблюдают.

Короче говоря, приехало Дорожно-Транспортное Происшествие, доставлено в приемный покой прямо из пылающей машины.

В ней ездило человек пять, и все они, несмотря на беспрецедентное пьянство, хоть сколько-то, да пострадали. Иные даже довольно серьезно, особенно главный. Хотя ничего смертельного. Люди они были не до конца простые и вообще кровь с молоком, адвокаты и менеджеры. Стали качать права: мол, нам условия предоставьте, а если нет, то создайте, и все такое. Ну, дело обычное, совсем не страшное.

Дежурный доктор взялся смотреть самого умирающего.

Спутники умирающего тоже вломились в смотровую, один - с длинным предметом в брезентовом чехле.

- Вот не надо бы сюда с берданкой, - посоветовал доктор из-под очков. - Идите с ней в коридор.

- Это не берданка, - надменно возразил пострадавший. - Это кий.

- Кий? - переспросил доктор. - Вы выбрались из горящей машины и спасли кий?

- Еще бы, - хмыкнул тот. - Он пятьсот долларов стоит.

Чуть позднее доктор склонился над полутрупом:

- Слушай, можно хоть взглянуть-то на кий, за пятьсот долларов?

- А где он? - ожил и встревоженно захрипел умирающий.

Увидев чехол, он успокоился и вернулся к умиранию.

Может быть, думал доктор, из него, из кия, самостийно высыпается игровой мел 666-й пробы. Или этот кий какой-нибудь самонаводящийся, захватывает в прицел шарик.

Так и не показали кий.

Бархатный Теракт

Новейшая больничная сводка: нервное отделение, которым заведует мой добрый знакомый, лишилось унитазов. Их отключили.

Дело запутанное: произошло столкновение двух тендеров, то есть интересов. Вообще, когда я слышу про тендеры, я всегда думаю о крушении поездов. Две трансатлантические корпорации отстаивают свое право заменить унитазы в неврологическом отделении номер пять. Обе прислали таджиков - хорошие люди, всем улыбаются не по делу, но не работают. В результате наклевывается теракт, какой Басаеву и не снился.

Заведующий отправился к руководству. "Как хотите, - молвил он доверительно, - но у меня больные под елку бегают".

"Не можете организовать больным быт!" - заорали на него.

Напрасно доктор показывал вырезанную из какой-то газеты карикатуру, напечатанную по какому-то другому случаю (страна-то большая). На картинке больные пьют чай из уток и приговаривают: хорошо чайку попить - жаль, в туалет сходить некуда.

Наконец, какой-то активный предприниматель, лечившийся без унитазов, не выдержал.

- Ну, ладно, - сказал он сдержанно. И предложил помощь.

Заведующий хмыкнул и указал на здание администрации:

- Очень хорошо. Иди по дорожке к тому домику. Там есть люди, которые с тобой поговорят.

Все идеи сразу пропали:

- Я хотел, как лучше...

"Прошу пана"

Однажды моя специальность превратила меня в международного преступника. Да и Варшавский Договор тогда уже был при последнем издыхании - может статься, я нанес ему последний удар тупой лопатой.

В 1990 году, во Франции-Бургундии, мы познакомились с одной блистательной полькой. Нас пригласила и приютила община экуменистов, и польку эту тоже позвали. Экуменисты вели себя очень демократично, но даже они делали ей замечание: прикройте шейку, прикройте спинку, а лучше - грудку. Больно яркие были формы, сплошной эффектный рельеф.

Бургундии ей было мало, и она прикатила в Питер. В Питере у нее то ли уже был, то ли образовался настоящий Андрейка, подозрительный молодой человек с усиками. Они думали пожениться по глубокой любви, хотя меня не покидала мысль, что Андрейка просто хочет удрать куда-нибудь от греха подальше. Или ко греху поближе.

В общем, они захотели нас в гости, мы пришли.

И жаркая пани обратилась ко мне с просьбой. У нее был не в порядке паспорт. По-моему, она опоздала с выездом и просрочила визу или еще что, хотя я не помню, чтобы в 90-м году кто-то требовал польскую визу. Или в Польше - нашу. Ну, наплевать, не в этом суть. Суть в том, что она просила у меня печать себе в документ. Пускай, дескать, пограничники знают, что опоздала она не просто так, а потому, что была у врача. "Поставь", - соблазнительно мычала она.

Я никак не мог взять в толк, при чем тут я. Что тебе поставить? Мой фиолетовый анонимный штамп?

"Да."

"Но зачем?"

"Неважно. Поставь. Прошу тебя."

"Писать ничего не буду", - предупредил я.

"Не надо".

Я раскрыл ее паспорт и впечатал в него: "Невропатолог".

Она была совершенно счастлива, и даже Андрейка сурово улыбался: одобрял.

Больше я о них ничего не слышал.

Мне до сих пор чудится жаркое собачье дыханье. Много лет прошло, но Джульбарс уже взял мой след. Он сильно одряхлел, и потому расплата затягивается.

Functia laesa

В том, что Россия - родина слонов, я никогда не сомневался, потому что против мороженых мамонтов не попрешь. Но Россия, конечно, родина не только слонов.

В западных врачебных справочниках я с трудом узнаю многие известные симптомы, потому что из их именных названий куда-то исчезают отечественные фамилии, которые после черточки. Сдается мне, что прибавлялись эти фамилии легко: чуть изменил угол щелчка по пальцам или угол поворота больного бедра - и вот уже был симптом Боннэ, а стал симптом Боннэ-Бобровниковой. Может быть, я чересчур пристрастен; может быть, Боннэ был наш человек, сугубо русский, как профессор Россолимо; не исключено, что дьявольский запад из вредности не признает за нашей научной мыслью права даже не первой, а второй ночи. Но сомнения меня не покидают.

Со студенческой скамьи в моей башке засела знаменитая четверка латинских слов: rubor, tumor, calor и dolor (не dollar). Это признаки воспаления: краснота, припухлость, жар и боль. Тетраду эту придумал не помню уж, кто, кто-то из очень древних - может, Гален, а может, Цельс, а то и совсем Гиппократ, хотя с чего бы ему по-латыни изъясняться. До советской власти тетрада влачила неполноценное существование, смущая умы. Но при советской власти она приросла пятым элементом, по числу отростков у красной звезды. Отечественная наука открыла пятый признак воспаления: functia laesa, что означает "нарушенная функция".

Функция - самое важное свойство всего и вся, будучи средством построения светлого будущего. Зарубежным метафизикам не приходило в голову, что при наличии калора, рубора, тумора и долора функция может нарушиться. В их красном, опухшем, жарком и ноющем пальце не было никакой диалектики, сплошная статика.

Но палец без функции, как и всякий другой орган, бесполезен и вреден, так как нечем даже указать в направлении светлого будущего, а если вдруг и найдется чем, то это будет реакционное учение "фрейдизм".

А если есть и долор, и все остальное, но функция не пропала, то палец здоров и никакого воспаления нет, а потому больничный за такой палец не полагается, и, будучи выписан, повлечет за собой уголовное наказание согласно постановлению Совнаркома от 1937 года о порядке выдачи больничных листов.

Скажу еще, что даже в нашем неврологическом отделении

было сделано некое открытие по привычной схеме: дописали неизвестный признак к пятерке или семерке других, давно известных. Я только забыл, к сожалению, о чем шла речь.

Все потому, что в нашем отделении был Ленин. Нигде в больнице, где одних нервных отделений набралось шесть штук, не было Ленина. А у нас был. Он стоял в холле бюстом, на подставке, под сенью кадочных пальм.

У Ленина в отделении не было никакой функции, но не было и рубора-колора, потому что Ленин никогда не краснеет. Напротив, он бледен и хладен, как хладен его замаринованный прототип, в чем есть высокая художественная правда.

Однажды процедурная сестра из самых дружеских побуждений стала мыть его тряпкой. Заведующая увидела и чуть ей голову не отъела за непочтение.

Мобилизация

Больной должен знать, что с ним происходит. Знание лечит и мобилизует.

Я этого раньше не понимал и даже, было дело, едва не свалился в обморок. Это было на пятом курсе, когда меня прихватила такая межреберная невралгия, что я шагу ступить не мог. Мы тогда как раз изучали травматологию, и я, будучи студентом прилежным, явился на урок. Тем более, что шагов требовалось немного, я приехал на троллейбусе. И в перерыве, не сдержавшись, пожаловался ведущему. Ведущий ожил и сказал, что устроит демонстрацию. Привел меня в процедурный кабинет, оголил, усадил на операционный стол. Набрал огромный шприц жидкости и стал объяснять моим товарищам:

- Вот я беру йод. Вот я смазываю участок. Вот протираю спиртом. Теперь я прокалываю кожу. Осторожно подвожу иглу к ребру - видите? я дошел до него. Вот я на нем остановился иголкой и покачался. Теперь берем косо...

На этом этапе добрые групповые подруги взяли меня за руки, потому что я вдруг смертельно побледнел. Но я напрасно бледнел, потому что добрый доктор ввел мне не только новокаин, но и спирт, и все прошло, и я немного развеселился.

Потом-то я понял, как важно информировать пациента о всех своих действиях. В нашей больнице работал один ловкий умелец, до которого мне было далеко - разве что фамилии у нас были одинаковые. Положил он большую, упитанную больную на живот и рассказывает:

- Вот я беру йод. Вот я смазываю кожу. Вот протираю спиртом. Теперь я прокалываю кожу. Завожу иголку... Чувствуете приятное распирание, приятное тепло? По ноге растекается тяжесть, болит уже не так сильно...

И верно - болело уже не так сильно.

Правда, доктор Смирнов ничего ей не ввел, а просто приставил к пояснице иголку и рассуждал.

Мы потом сообща решили, что нужно создать платную кабинку вроде тех, что устроены для моментальных фотографий. Кидаешь рубль, входишь, садишься. Шторки на миг раздвигаются, являя целебный портрет доктора Смирнова. Сдвигаются обратно. Следующий!

Три гипотезы

Медицина - родоначальница многих метких афоризмов. Вот одно емкое и крылатое наблюдение: "Только покойник не ссыт в рукомойник".

Почему это верно? Я думаю, причины две.

Во-первых, дело в живучем подсознательном протесте, направленном против асептики и антисептики. Стерильность гнетет и обременяет. Хочется поднагадить. И никакого Герострата, сугубая анонимность.

Во-вторых, доктора мужского пола редко владеют ключами от корпоративного сортира. Ими либо владеет специальная ключница, либо они висят на гвоздике в сестринской. И если мужской разновидности доктор возьмет или, не дай Бог, попросит этот ключ, то вся больница сразу узнает, куда и зачем он пошел. И следом за ним пойдет посмотреть, как там.

Поэтому один мой знакомый доктор рассказывал:

- Стою я и в раковинку: жу-жу-жу, жу-жу-жу. Тут меня из коридора зовут (типа: Акакий Акакиевич!). А я дверку ногой прижал и жу-жу-жу, жу-жу-жу.

Может быть, есть и третья причина. Доктора вообще близки к природе и выбирают себе функционирование попроще. Помню, устроили мы с урологом К. себе отдельный кабинет, чтобы глупости не слушать от местных женщин. Холодный, зато с телевизором. Начмед стоял насмерть: нельзя! Он-то думал соорудить там еще одну платную палату и грести денежки. На это уролог сказал, что нуждается в специальном помещении, и даже выторговал себе гинекологическое кресло; это кресло принесли в разобранном виде, и в этом-то виде мы его и свалили в угол.

Накрыли стол клеенкой, раскрашенной яблоками и тупыми грибами, и стали жить.

Однажды я не выдержал. Сижу, попиваю чай и спрашиваю:

- Чем это, черт побери, так несет?

Уролог принюхался. Затем радостно ударил в ладоши, полез под стол и выволок оттуда мусорную корзину, доверху, с горкой, набитую использованными перчатками. Он их туда сбрасывал, как увядшую кожу, ознакомившись с очередной предстательной железой. Или как носки, та же кожа.

Два темперамента

Дружище уролог К. очень любил поутру раздразнить мою коллегу, нервную восточную женщину. Она была большая любительница поскандалить.

Только и раздавалось: "Сук-к-конки!... Параши!... Урыла бы!..."

- Вы знаете, - он прижимал руки к сердцу, оскаливал зубы и выпучивал глаза из-под колпака. - Есть такие маленькие собачки, пекинесы. Они до того злые! - он принимался дрожать всем своим длинным телом, вращать глазами и сдвигать кулаки. Темп нарастал. - Они такие злые, что дохнут от инфаркта!... У них от злости случается разрыв сердца!

Тут уролог, не в силах сдержаться, начинал восторженно повизгивать, топать ногами, мотать головой.

- Да, - кивала моя коллега, слегка приходя в себя и чуть-чуть довольная. - Я такая. Ав! Ав!... Я им покажу, паскудам.

Живые и мертвые

Латынь в медицине давно себя изжила. Знаете, как нас учили латинскому языку? Во-первых, решили ограничиться четырьмя падежами, да и те не понадобились.

Во-вторых, на каком-то этапе наплевали и на эти падежи, велели просто заучивать корни. Но не бездумно, конечно, с переводом. И, не заботясь об античных тонкостях, смело мешали их с греческими.

Сам я глубоко убежден, что международным медицинским языком должен быть русский. Мертвые наречия должны быть спрыснуты живой водой.

Уже спрыскиваются.

У нас одного спросили, на гинекологии:

- Чем, по вашему мнению, можно осмотреть полость матки?

Тот важно поправил очки:

- Ну, есть такой прибор: маткоскоп.

- Тогда уж давайте совсем по-русски, - уважительно подхватил гинеколог. - Маткогляд.

Неотложная лениниана

На станции скорой помощи жил маленький металлический Ленин. Очень удобный, старенький, потертый.

А у одной бригады сломалась в машине кулисная ручка, которой скорость переключают. Присмотрелись к Ленину повнимательнее, просверлили дыру, нарезали резьбу. Так что сделалось отлично: пальцы в глаза - и поехал.

Однажды эта бригада забрала на Сенной площади еще одного Ленина, уже живого. Он шел с конкурса двойников. На смотре-параде он обожрался до большевицкого плача, пошел и сломал себе ногу. Его загрузили в машину и повезли, понятно, в пьяную травму. А там таких желающих много; машина стоит, ждет. Двойник сидит и наблюдает, как водила Ленина щупает. Вдруг осознал:

- Как вы смеете! Это же Ильич!

На это ему возразили: наш Ильич, что хочу, то ему и сделаю.

- Ну, не глумитесь! Я его у вас куплю!

И купил, за пятьдесят рублей советских еще денег.

Тут и очередь подошла: Ленин захромал в приемный покой, прижимая к груди трофей. Но там, в приемном покое, давно ничему не удивлялись.

Пасторальные сцены

Давайте-ка еще про уролога К. Мне его отчаянно - не подумайте чего - не хватает.

Иногда мы курили не в клизменной, а в ванной, потому что клизменную занимали по назначению. Минуты фрустрации. Было дело, подхватил я под локоток симпатичную массажистку и повел ее в клизменную на перекур. И пастораль там какую-нибудь думал устроить. По-рыцарски распахнул дверь, сделал приглашающий жест. А там - клиент улегся, в откровенном своем зиянии. Прямо анфас.

Ванная была уголком понадежнее, но и потеснее. Сама ванна занимала слишком много места и, бывало, служила судном. Уролог прямо преображался, когда использовал ее по специальности.

И вот лирический эпизод. Присела массажистка в ванной на скамеечку, курит. И еще каких-то набилось, накрашенных. А уролог подсел к ней стремительной птицей, улыбнулся, завел руку за ее поясницу и ниже, немножко побыл там. Массажистка залилась краской. Уролог подмигнул компании и сказал:

- А я сейчас что-то сделал, а что - не скажу.

Хотя и так все знали, но каждый держал при себе. Потому что он делал это со всеми.

И ни разу не получил по морде.

Хотя нет, однажды получил: от меня, когда вздумал проделать это со мной. Сидим мы, смотрю - у него губа разбита.

- Это чего у тебя? - спрашиваю.

(А мы перед этим выпили сильно).

- Да это же ты меня, - улыбается уролог.

Вообразите - моментально забыл! Скор же я на расправу.

"Курение вредит вашему здоровью"

К сожалению, у меня нет коммерческой жилки, а то я мог бы сколотить состояние.

Например, в борьбе с табакокурением, никотинизмом и табакизмом (как правильно? я и то, и другое, и третье видел).

Потому что все эти пластыри, жвачки - ерунда. Иголки тоже не помогают. Однажды мне поставили очень хитрые иголки, в ухо, серебряные и золотые; сенсей по этим иголкам пощелкивал, шептал над ними, подкручивал, окуривал их полынью. Активизировал мне чакры, продул каналы, переженил Ини с Янами. А я взял и закурил! Нарочно. Дай, думаю, закурю.

И кодирование тоже не помогает. Если в тебя вселился со стороны оздоровительный бес, нужно его выкурить. И он без труда изгоняется.

Но мне случилось попробовать еще один, очень действенный способ. Не рассказывал? Ну, повторить не вредно. Минздрав постоянно предупреждает, а я не хуже минздрава.

Я учился на первом курсе. Заканчивал его через пень-колоду. Солнышко, апрель, все греются; я тоже пошел погреться на скамеечку. Прогулять что-нибудь. А на скамеечке уже сидел мой знакомый с четвертого курса; человек опытный и, конечно, казавшийся мне недосягаемым авторитетом. Уже доктор, считай - куда мне до него. Мы с ним познакомились, когда в порядке трудовой повинности строили почечный центр. Корчевали там один пень три недели.

Закуриваем.

У меня были сигареты-мальбро, они тогда после Олимпиады еще остались. Наши власти не рассчитали, погорячились и запаслись слишком основательно, так что хватило собственному населению.

Сидим, курим. И вдруг приближается к нам некий больной в мышином халате и неприглядной пижаме.

- Можно, - спрашивает, - сигаретку?

Я протягиваю пачку.

- Можно две?

Ну, я веду себя, как кондитер из фильма "Высокое звание". "Бери, мальчик, петушков, сколько душа просит. Хоть три!"

Смотрю, как больной лезет поганой лапой в пачку, ворочается там, шшупает себе чего понавристее.

А после мой приятель равнодушным голосом замечает:

- Зря ты ему дал в пачку лезть рукой. Это больной с кожной кафедры. Я его курировал.

- Ясненько, - говорю.

Снялся с места и пошел в химический корпус, где наши курили под лестницей, осторожно сверкали оттуда не то сигаретами, не то глазами. Там я держал такую речь:

- Мужики, я курить бросил. Баста. Налетайте, разбирайте.

Как они кинулись! Пачку разодрали единым ударом прокуренного когтя. Хватали кто по две, кто по четыре штуки. Не друзья, а прямо апокалиптическая саранча.

Когда они сыто задымили, я продолжил выступление. Объяснил им, в чем штука.

Никакой театральной мелодрамы с эффектным концом не получилось, потому что не стал же я стоять-дожидаться, побежал.

Седые рецепты

Мне зачитывали выдержки из 30-томной медицинской энциклопедии под редакцией Семашко, выпуска 1927 года.

Там изложены дедовские приемы, ныне, увы, прочно забытые. А зря. Гордиться славою предков не только можно, но и должно.

Например, при истерии лучшим лекарством была "настойка струи бобра". Знакомый, который мне все это прочитал, никак не мог выяснить, что же это такое. Наконец нашел: оказалось, что ее делают из препуциальных желез бобра, которые, стало быть, располагаются под его крайней плотью; очень вонючая жидкость.

И мне теперь не дает покоя вопрос: из живого бобра вытягивают эту живую воду или из покойного? Потому как мало словить бобра, отвлечь его от социалистического строительства - ему еще нужно сдвинуть крайнюю плоть, подергать все это дело, подставить склянку. Или явить ему какой-нибудь эротический образ, чтобы увеличилась рабочая поверхность органа - в общем, весьма дорогой препарат. Зато любую истерию - как рукой.

Еще там расхваливали пиявок, вкупе с хитроумными устройствами для их полостного внедрения. Эти устройства не снились никакой инквизиции, пиявку можно подселить буквально куда угодно и там оставить до обоюдного удовлетворения. И вообще этот метод преподносился как самый передовой.

Однако самое сильное впечатление на меня произвели банки. Это не те безобидные банки, которые мы знаем и которыми в душевной простоте пренебрегаем. Как бы не так. Большая кастрюля, с встроенным насосом! Абсолютный вакуум. И это еще полдела, к той кастрюле присобачены специальные ножи, штуки четыре, которые автоматически надрезают кожу. Фирма гарантирует качественный отсос до трех литров крови.

Я начинаю думать, что Дело Врачей неспроста затеяли. Сперва Врачи поставили кастрюлю Крупской, потом - Горькому, или в иной последовательности, забыл; потом хотели поставить Сталину, но он оказался проворнее и поставил им свою.

Овощной Бог

Благодарные больные бывают совершенно несносны. Еще хуже бывают их родственники.

Лежала у меня, помню, старушка, обезножевшая. Ездила в кресле. Хорошая бабушка, приветливая, я к ней проникся добрыми чувствами, и она ими тоже пропиталась, и постоянно обещала сделать мне некое поощрение за медицинскую сердечность. Полтора месяца будоражила воображение. Мне уже казалось, что она завещает мне квартиру.

Когда наступил последний день нашего общения (я уходил в отпуск), она не находила себе места.

- Что ж мой дед-то не едет! - причитала она всякий раз, когда натыкалась на меня в коридоре. - Всегда, как не надо, он здесь, а сегодня не едет!

Я утомился ее утешать и стал прятаться. Время шло, бабушка убивалась. Мы с коллегами уже отпраздновали день медработника, который надвигался неумолимо. Уже переоделись и пошли на выход совсем, как люди. И вдруг я слышу: стойте! стойте!... Оборачиваюсь и вижу Формулу-1: мчится бабушка. Сияет: дед приехал.

Подарила мне водку в лимонадной бутылке, завернутую в позавчерашнюю газету.

Выпили с урологом в лесу.

Или еще случай, но уже не со мной, а с маменькой. Она, как я выражался в 1-м классе, "каждый день детей рОдит". Работает в родильном доме. Однажды там кто-то родил, и у нас на квартире объявился свежий папа. Пришел, сел за стол, стал пить чай. Лысый, круглый и не без высокомерного барства. Наконец, отодвинул чашку, вздохнул и заговорил с таким видом, будто сжигал понтонный мост, перегородивший Рубикон:

- Ну, ладно. Вы знаете, КТО Я?

Это было сказно так, что у мамы моей возникло чисто детское любопытство. Мультфильмовое, как я его называю. Неужели бог? Она склонила голову и поощрительно шепнула:

- Кто?

Оказалось лучше бога: директор овощного магазина. К сожалению, он размножился.

Чай

Чаепитие - действо, позволяющее увидеть в докторах обыкновенных смертных.

Эта приземленность, как ни странно, придает им еще большую святость. Они воплощаются из милости, ради спасения человеков. Клиенты передвигаются на цыпочках и не смеют заглянуть ни в сестринскую, ни в ординаторскую, где Пьют Чай.

Наши капустные клоуны пели на эту тему: " Но наш! Аппетит! Не имеет границ! Сейчас... Мы будем пить чай!"

Про то, как сестры пьют этот чай с пельменями и печенкой, я писал. И говорил, что доктора ведут себя, в отличие от сестер, немножко застенчиво.

Потому что доктора не жарят картошку в процедурной. Иду я как-то раз по 37-й петергофской больнице и слышу из-за дверей процедурного кабинета громкую песню "Кони в яблоках". Заглянул туда, а там две сестрички пляшут под эту песню, высоко подбрасывая сильные ноги; на плитке шкворчит картошка.

Когда я устраивался работать в больницу, о которой так много рассказывал, чаепитие было первым, с чем я столкнулся. Но оно меня не затронуло.

Я пришел, весь подтянутый, выбритый и, по-моему, даже при галстуке. Явился в кабинет начмеда. Оценил закладки в лекарственных и юридических томах, а также в Библии.

Начмед, держась приветливо, поговорил со мной минуты две.

Потом вдруг залился краской, засуетился. Сказал:

- Ну, вы там подождите немножко, снаружи. Я тут пока...

И вынул сверток в фольге: бутерброды, и кружку вынул, заложенную кипятильником.

Заперся в кабинете и стал сорок минут есть.

Косарь и Отличница

Когда мы изучали фармакологию, сенсей велел нам играть в увлекательную игру.

Условия были такие: один прикидывается доктором. другой наряжается больным, а третий - медсестрой. Доктор лечит, больной нарушает, а медсестра все путает и делает неправильно. Задача: вылечить больного вопреки неблагоприятному расположению звезд.

Доктором назначили одну очень правильную Отличницу, больным - известного Косаря, не слишком усердного в медицинской учебе. Медсестрой же, если мне не изменяет память, был я сам и глубоко вжился в этот образ.

Понятно, что Доктору пришлось несладко. Отличница искренне хотела помочь Косарю. Но тот обнаружил фантастические познания по части разного рода диверсий, изобретательно нарушал режим, пил в больничном туалете водку, выбрасывал в унитаз таблетки, прописанные Отличницей. Что касается Медсестры, то в моем исполнении она приобрела уголовно наказуемые черты.

Косарь уверенно вел партию к недетскому мату. Отличница решилась назначить последнее средство.

- Да? - ликующе замер Косарь.

- Да, - твердо сказала Отличница.

- Очень хорошо! - воскликнул Косарь. - На следующий день больной умер!

- Да, - кивнул довольный сенсей и объявил игру законченной. - Больной умер.

- Ага, падла!.. - прошелестели мы с Косарем.

Мор

Иногда мне казалось, будто моя мечта вот-вот сбудется.

Прихожу я в больницу и вижу большое траурное объявление: КАРАНТИН! КОНТАКТ ПО АЛКОГОЛИЗМУ.

Прибывает санитарная авиация, привозит ящик Антиполицая.

Впуск посетителей без ограничений. В гардеробе - Одноразовые Бухилы по пять рублей.

Мираж рассеивался, начинались будни, но я не унывал и отыскивал жизнелюбивые ростки грядущего.

Заведующий хирургией однажды пришел на работу, лег в кабинете и спал там неделю с эпизодическими отлучками. И ничего ему не было.

А мне однажды посоветовали таинственным, хотя и несколько осуждающим шепотом:

- Не ходите к рентгенологу.

- Почему?

- Не ходите. Он сегодня в ОСОБЕННОМ настроении.

Я, конечно, зашел из чистого интереса. Ничего особенного, обычное настроение. Как всегда. Не отличается от цвета лица.

A la guerre comme la guerre

На одной педиатрической скорой работает живописный фельдшер. Достаточных лет, чтобы брать, например, на вызов первое, что попадется под руку. Однажды взял вместо чемоданчика пластмассовое ведро и пошел. Оно там зачем-то стояло, в машине.

И было такое дело: приехала эта скорая на смерть.

Раз педиатрическая - ясно, что ситуация совсем печальная. Скончалось совсем еще несмышленое, грудное дите. Состояние домашних понятно. Никто их даже не пытается утешать: кроме ветерана труда. Ему хотелось показать, что надежда всегда остается.

Пришепетывая "сейчас-сейчас", вынул спички, начал поджигать и прикладывать к покойному.

- А мы, - говорит, - на войне так всегда проверяли: живой или мертвый.

Коррида

ЛКК - процедура рутинная, карательно-бытовая. И все боятся, переживают, хотя совершенно напрасно, ничего там никому не сделают. Выговор объявят, и все.

Я побывал на нескольких ЛКК, хотя до сих пор не знаю, зачем меня туда пригласили. Было очень любопытно: на первой ЛКК ругали доктора, моего однофамильца, за верхоглядство: по его недосмотру, стульчаки на унитазах совершенно разболтались и даже распоясались. Больная пошла, простодушно надеясь на доброе, а стульчак под ней взял и поехал, она упала. Да еще неудачно повернулась, и у нее лопнула селезенка.

А на второй ЛКК ругали того же доктора, и я почувствовал себя театралом, купившим абонемент на целый сезон. Правда, про доктора скоро забыли. В бой вступили два Геркулеса: заместитель главного врача по экспертизе и профессор-невропатолог, увлекавшийся административной работой. Суть дела была простая: очередная больная, полежав у несчастного доктора, после этого еще четыре месяца ходила в поликлинику, где правил бал профессорский оппонент. Созрел вопрос об оплате лечения. На кого она ляжет - на больницу, которая плохо лечила, или на поликлинику, в которую долго ходили?

Дуэлянты обменивались любезностями два с половиной часа. Я давно опоздал на электричку. Каждое слово дышало корректностью и уважением к противнику. Зам по экспертизе был старый еврей; он клятвенно прижимал руки к сердцу. Профессор был старый русский, из военных; он четко, по-армейски, формулировал и артикулировал разные вещи.

Оба были тертые калачи, пропитавшиеся многолетней взаимной ненавистью.

Собственно говоря, всю ЛКК затеяли для финальной минуты. Вопрос решался быстро. Дебаты оказались сексуальными ласками, которые предваряли молниеносный половой акт.

Эксперт сделал отчаянный выпад:

- Будете платить?

Профессор рогами выбил у него из рук шпагу:

- Нет.

ЛКК сразу закончилась.

Она свелась к лаконичному диалогу, в котором победное "хер тебе" осталось за профессурой.

Протозоя

Забрался я, было дело, по неестественной надобности на один медицинский сайт. Речь там шла об эпидемиологических исследованиях.

У меня в глазах потемнело от формул с интегралами да логарифмами.

А я-то, глупый, двадцать лет ломаю голову, зачем нас на первом курсе учили высшей математике и физике. Мне и не снились такие высоты.

Более того - мне не снились даже равнины.

Хотя наш коллективный разум - еще не медицинский, но уже и не школьный - вполне походил на эти равнины; такой же был плоский во всем, что касалось точных наук.

Наш физик, похожий на высокого молодого филина, которого рвут на части ночные соки, но некуда их выплеснуть, садился, подпирал щеку и молча глядел на нас сквозь дымчатые очки. Потом вздыхал:

- Господи, какая же с вами тоска.

И вывешивал плакат: Микроскоп в разрезе. С издевательской бодростью объявлял:

- Микроскоп. Какие будут гипотезы?

Лекции нам читал маленький добрый человечек, профессор Замков, единственной заслугой которого было то, что он числился сыном скульпторши Мухиной. Никто его не слушал. Швырялись пивными бутылками, выкрикивали хульные слова.

На экзамене мне достался вопрос про какую-то интерференцию и опять же про микроскоп. Благодаря этой загадочной интерференции можно было рассматривать болезнетворное простейшее, протозою, без всякого для него ущерба. И я полчаса жалел эту протозою космодемьянскую, и радовался ее счастливому избавлению, пока меня не перебили и не спросили:

- Тройки за наглость хватит?

- Да, - сказал я.

Теперь я думаю, что не такой уж я был наглый. Я, во всяком случае, не кидался бутылками в сына Мухиной. А те, кто кидались, сейчас кого-нибудь лечат, ни уха и ни рыла не смысля в физике.

Интерлюдия-довесок

Утро. Больница. Клизменная, она же курилка, она же клуб, она же Гайд-парк. Медсестры, уролог, я.

Уролог, пригнувшись, перетаптывается и приплясывает, будто ему давно невтерпеж. Наконец, интересуется офф-топик:

- Света, когда же я тебя трахну?

Света, зарумянившись, радостным тоном:

- Скоро! Скоро!

Коммерческая топология

В нашем отделении разворачивались топологические процессы, которым позавидовал бы сам Мёбиус.

Когда я пришел работать в больницу, власть в отделении уже захватила сестринская верхушка во главе с Казначеем. Это была бархатная революция, потому что низы еще, может быть, и хотели по-старому, как все хотят, но вот верхи уже не могли по причине маразма.

Начался передел собственности - вернее, ее создание из пустоты.

Привезли камни, краску; привели рабочих. Выписали больных из двух палат и построили стенки: было две палаты, а стало четыре, и все - платные, потому что маленькие. Чудо!

Чтобы процесс пристойно выглядел на бумаге, его назвали вот как: РАЗУКРУПНЕНИЕ.

У Казначейши проснулся аппетит, и она принялась разукрупнять все новые и новые палаты.

В мудрой Вселенной устроено так, что если где-то убавится, то где-то прибавиться. Раз палаты разукрупнились, то что-то должно разуменьшиться: например, кабинет заведующей.

Потом, действуя совсем уже иррационально, эту заведующую выгнали из кабинета в ординаторскую, маленькую и тесную, но с сортиром. Объяснили неправдоподобной заботой о докторах, хотя мы с коллегой в этой революции были, скорее, случайными попутчиками. Мне было все равно, разве что в сортир не хотелось ходить к заведующей, а коллега металась между левым и правым уклоном. Так что векторы породили ноль.

Да нас и не особенно спрашивали, когда еще раньше сдавали нашу маленькую, теплую, благоустроенную ординаторскую новому русскому инвалиду, и мы, как погорельцы, ютились в хоромах заведующей, а та язвила: "Что, отдали ординаторскую? Теперь сидите!"

Хотя мы ни пяди родной земли не уступали.

Мы же и виноваты оказались; это нас заведующая, отправляясь из просторного, нового кабинета в сортирную ординаторскую, послала "к ебене матери".

Джингл-Белл

Приехала одна скорая помощь в подвальчик к свечному мастеру.

С этим мастером было, разбираться особо не стали, на то есть больница. И он был так благодарен, что подарил скорой помощи целую охапку свечей.

Стали думать, на что их употребить.

Медсестра говорит:

- Давайте каждому жмуру в руку вкладывать.

- Нет, - говорит доктор, - это ж сколько работать придется, даже если каждого чехлить.

Наконец, придумали. Уставили этими свечками желоб для стока воды, который поверх машины пущен. Подобрали заболевшее на улице чудовище. Зажгли свечи. И медленно-медленно подъехали к больнице.

Доктор Томсон

В медицине меня часто спрашивали, когда же я начну заниматься наукой.

Больничный профессор выжидающе рассматривал меня, думая, что я вот-вот созрею и начну возить его пробирки в Институт Экспериментальной Медицины.

Но он не дождался.

Я насмотрелся на разную науку, когда учился на нервной кафедре. Там мне открыли глаза. В частности, на большие старинные шкафы, набитые уродливыми позвонками и пробитыми черепами вперемежку с авоськами, полными бутылок. Я в жизни не видел столько пустой посуды - разве что в пунктах ее приема.

Мне объяснили, что на кафедре царит групповщина, и пьют узкими группами по два-три-четыре человека, причем эти группы никогда не пересекаются. А шеф жрет в одиночестве.

Такие обычаи, может быть, меня бы не остановили. Но я уже носил в себе первый кирпич нелюбви к науке, заложенный доктором Томсоном, когда я на третьем курсе учился у него патологической анатомии.

Доктор Томсон слыл извергом; как-то получилось, что мне повезло, меня он не тронул. Но в душу запал.

Он был молод, высокомерен, со злым голливудским лицом.

- Моя фамилия Томсон, - подчеркивал он. - Не Томпсон.

Как будто это что-то объясняло.

Доктор Томсон без передыху сыпал избитыми гадостями: "стервоидные гормоны", "введение - неприличное слово".

Он на дух не переносил практическую медицину и намекал, что близок к важному открытию.

На каждом занятии он возбужденно прищуривался и заводил разговор о лейкоцитах:

- Что это за функция такая - прибежать по сигналу тревоги и превратиться в гной? Примчаться, чтобы погибнуть? Не значит ли это, что они - функциональные импотенты?

И делал паузу, чтобы мы успели оценить глубину его догадки. Мне было наплевать на потенцию лейкоцитов, потому что я уже заранее предвидел, что дело закончится тасканием пробирок. К тому же на войне, как на войне, а палец - он поболит и пройдет, несмотря на половую несостоятельность всякой мелочи.

- Мне вот это интересно, - доктор Томсон все сильнее и сильнее себя взвинчивал. - А вы, если вам это не интересно,

можете отправляться в деревню Яблоницы Волосовского района и щупать старушек.

Он угадал наполовину, старушек мне хватило и в Питере.

Нынешняя наука не по мне, не та эпоха.

Если бы мне выдали астролябию с чучелом замученного крокодила, да поселили в кирпичной башенке, то там я, укутанный в мантию звездочета и его же колпак, открыл бы, наверное, планету Хирон, ошибившись по средневековому невежеству в букве.

А без колпака - извините.

Горнило

Люди делятся на деликатных и не деликатных.

Деликатным жить трудно, остальным - легко.

Помню, был у меня больной, которому, хоть он и больной был, было легко, а мне, здоровому, с ним было плохо. Потому что я ставил ему банки.

Я был студент и подрабатывал медбратом. А эта туша отдыхала ничком, на рыболовецком пузе: румяная, многосочная, с легким бронхитом. Я ставил банки, а туша хакала-крякала: "Эх! Эх!" Потом с удовольствием испортила воздух, сама того не заметив. Вернее, не придав значения. И снова закрякала.

Скольких проблем не стало бы, если б так уметь.

У меня есть приятель, очень робкий и тревожный на людях. В студенческие годы у него тоже случился похожий Урок Мужества - правда, чуть иного рода. В колхозе.

Один студент сгонял на выходные в город и вернулся с банкой ветчины.

Выставил людям, те быстренько сомкнулись в круг, а мой приятель остался за его пределами. И там подскакивал, за магическою чертою, заглядывая через плечо.

Наконец, умирая от неудобства, осведомился у хозяина ветчины, под дружные звуки большой коллективной ротоглотки:

- А можно мне взять один кусочек?

Один едок, сидевший ближе других не сдержался. Его мой приятель уже достал своими аристократическими вывертами.

- Чтоооо?!.... Кусочек?!..... Сожри всё!... и еще пизды ему дай!.....

Бутон

Оперативная медицинская сводка.

Дежурная новогодняя бригада приехала на синий труп. Мужчина лет тридцати без следов закуски; в комнате пустовато, на полу (как выразился рассказчик) "лужа любви".

Гражданская вдова с диким воем бросается на покойного:

- Юра!!... Юра!....

Мой друг доктор придержал ее за локоть:

- Погоди, ты не очень бросайся: у тебя же заячья губа, разобьешь...

- Это не заячья губа! Это он меня пиздил!...

Унтер-антидепрессант

Сколько я перевел всякой всячины про депрессию и как ее лечить - уму непостижимо.

И вот блиц-сеанс из жизни.

Есть одна воинская часть, под Питером, и прибыло в нее пополнение. Молоко там, не молоко - черт его разберет, что у них; короче, не обсохло еще. Ходят ошалелые, форма мешком болтается. Вчера писали диктанты, а сегодня уже служат.

И вкалывают с ночи до ночи: копают, носят, перетаскивают, складируют.

Через несколько дней на утренней поверке одного недосчитались: нету.

Старшина, или кто там распоряжается, пошел искать.

Завернул в сортир, начал проверять кабинки. Заглядывает в одну и видит: нашелся боец. Сидит, заливается слезами и пилит себе вены.

- Ты чего это? Ты что тут делаешь?

Солдат, всхлипывая:

- Я... я... никому, никому здесь не нужен...

Старшина изумился так, что на минуту лишился речи. Он совершенно искренне поразился и даже обрадованно всплеснул руками:

- Как? Почему? Как это не нужен? Работы сколько! Быстро пошел, быстро бери лопату!...

Ренессанс

Немного неприлично, так ведь и жить неприлично, при наших-то обстоятельствах зарождения. Получается, что помирать - гораздо пристойнее.

Приехала скорая помощь к одной бабушке.

Бабушка блатная была, с горздравом обрученная, но в тот момент ей это не особенно помогало. Совсем она стала плохая и, пожалуй что, помирала.

Доктор затеял ее лечить; бригада суетится, бегает. Доктор лечит, а сам по привычке вокруг поглядывает. И замечает, что в бабушкиной квартире больно много разных картин: репродукции, конечно, зато сплошные великие мастера. Однако тематика почему-то все эротическая: обнаженная Маха, Даная, какие-то плодородные совокупительные мотивы, и так далее.

Стали бабушку одевать-раздевать: смотрят - белье. Ну, не бабушкино белье совершенно: модное, розовенькое, узенькое в полоску, кружевное.

Бабушке все лучше и лучше.

"Экая ты бабушка", - думает доктор.

Ежели прозвучал горздрав, то и больницу дали хорошую, современную. Привезли, бабушка оживает, везут ее в реанимацию, завозят. И видит доктор, что бабушка усиленно косит глазом на соседнюю койку, просто не отрывается. А там лежит синий, в пятнах, человек, уже не вполне в реанимации и даже не в нашем мире, где-то на перепутье. Очевиднейший посиневший бомж. И ожесточенно дрочит.

- Ну, бабушка, ты правильно попала, - гадко просиял доктор.

Ступенчатая терапия

Привез один знающий доктор в больницу инфаркт.

Вернее, он понимал, что инфаркта нет, но в приемном покое были уверены в обратном.

- Нет-нет! - закричали два приемных доктора. - Везите в реанимацию. В шестнадцатый павильон.

- На ВДНХ, что ли? - мрачно обронил доктор.

- Нет, в наш шестнадцатый павильон.

- Тогда давайте проводника, я сам не найду.

Жалко, но все-таки пожертвовали пьяного санитара.

Доехали, а в шестнадцатом павильоне - четыре ступеньки вверх. Доктор растерялся: не самому же заносить носилки, никак! А больше никто не понесет.

- Сам дойдешь четыре ступеньки? - спрашивает у больного без инфаркта.

- Дойду, - трубит больной без инфаркта.

И дошел.

Вернулся доктор в приемное отделение, отдал санитара и говорит:

- Знаете, а я к вам больше инфаркты не повезу, раз у вас четыре ступеньки.

Приемные возмутились:

- Зато у нас очень хорошая реанимация. В ней еще НИКОГДА НИКТО НЕ УМЕР.

- Конечно, не умер. Раз на четыре ступеньки поднимается.

Непристойное предложение

Ночь. Ординаторская. Я дежурю.

Спать неудобно, лежать приходится на смотровой кушетке. Она узкая и жесткая. За стеной - сестринская, в сестринской - Галя и Оля.

В стене есть дырочка, сквозь которую просачиваются разговоры и прочие звуки с запахами. Заснуть невозможно, приходится слушать. В сестринскую пришел квадратный мужчина, больной.

- Оль. Оль, пошли в процедурную. Слышь, Оль?

- Идите спать.

- Оль. Оль, пошли в процедурную. Слышь, Оль?.....

Через сорок минут:

- Оль. Оль, пошли в процедурную. Слышь, Оль?

.....

Через двадцать минут:

- Оль. Оль, пошли в процедурную. Слышь, Оль?

.....

Через тридцать минут:

- Оль. Оль, пошли в процедурную. Слышь, Оль?

.....

Через сколько-то времени: вздох. Одинокое тело уходит. Шаркает в коридоре, харкает.

Смешки, звон посуды.

- Чего ему надо-то, а?

Галя:

- Ты скажи мне, скажи, чё те надо, чё те надо...

Оля (подхватывает):

- Я те дам, я те дам, што ты хошь, что ты хошь...

Зловещий ведьминский хохот. Свет гаснет. Бормочет телевизор.

.....

Энергия, не нашедшая выхода в квадратном мужчине, направилась в уголовное русло. Через два дня его выгнали: немного выпил и ударил соседа отверткой, а потом еще гонялся за ним, с нею.

Баня

В нашей больнице случалось мероприятие, в котором мне так и не довелось поучаствовать: Баня. В эту развратную Баню ходил помыться наш приемный покой, когда возникало настроение.

По этому поводу можно сказать, что совершенство всегда требует некоторой незавершенности. Так, например, мои дядя и отчим изъездили - якобы, за грибами - всю Приозерскую ветку и везде отметились, выпили. Кроме далекой станции Мюллюпельто. Там они не были ни разу. Я, помню, спрашивал дядю: отчего бы вам туда не поехать? А он мне задумчиво и тоскливо рассказывал про художественную незавершенность. Они туда, дескать, из принципа не поедут.

Так вышло и с баней, хотя не совсем.

Что в ней творилось, я представить себе не могу. Но ужасы - обязательно. Один мой всеядный приятель-уролог стоил целого гусарского эскадрона. И не то чтобы, заметьте, он был бисексуал какой: чтобы быть моно-, би-, стерео там, квадро, нужно прежде всего осознать себя таковым, а он не осознавал, он просто подминал под себя все, что попадалось. И вот! неразрешенная загадка: в эту баню ходила одна дородная терапевтиха, ягодка опять. Всех, по словам уролога, было можно, а вот ее - нельзя, хотя и ходила. Потому что у нее была крыша: мужчина-хирург, который не ходил, но если что, бил насмерть. И я все думаю: как же они там управлялись, при ней, если с нею нельзя?

Ну, ладно.

Однажды я уж было пошел в эту баню. Сберечься мне помогла ссора с одной медсестрой.

Эта медсестра приемного покоя пила до постоянного изменения в лице. И в баню, конечно, не упускала сходить. Как-то раз я дежурил, и она дежурила, внизу, и нажралась, как собака. Составили акт и позвали меня расписаться. Такой был порядок: если какая сволочь нажрется, все под этим подписываются: дежурные терапевт, хирург и невропатолог. Вижу - сидит, ноги свесила, курит, нагло глядит. Деваться некуда, я расписался. Ей-то, понятно, ничего не сделали, зато меня невзлюбили всем приемным покоем. Я и сам был не рад, что ввязался - подумаешь, принципиальный какой.

Приблизительно через годик вышел случай, что больные подарили нам с урологом чего-то прохладительного, которое на поверку оказалось горячительным. Сначала друг повел меня в общежитие, пообещав, что там мне мало не покажется. К какой-то мрачной девушке. И не обманул: нас выставили вон, потому что

он уже там напаскудничал, но то ли забыл, то ли не придал значения.

И мы пошли в приемный покой готовить Баню.

А там - та самая медсестра.

Пришлось нам с ней мириться. Церемония вышла сложная: много там было всего - я, вроде, на что-то забрался, пил из какой-то туфельки, преклонял колено. Или преломлял его.

Наконец терапевтиха решительно сказала: идем! иначе вообще не попадем никуда.

И мы все потянулись в Баню, а впереди, поигрывая замочком на поясе целомудрия, размашисто шагала терапевтша. Но, как выяснилось, мирились мы слишком долго и вдумчиво, а потому все постепенно растерялись в сугробах. Остались в них буквально. Некоторые так и лежали, думая, что уже Баня.

Дрянная зависимость

Иногда загрустишь, как задумаешься, от какой дряни зависит твоя благополучная жизнь.

Я, конечно, не про людей говорю, про обстоятельства.

В институте, например, у меня была тройка по ЛОР-болезням. И мне, по-моему, не дали из-за нее стипендию. А может быть, дали, но все равно обидно.

И кто же приложил к этому руку?

Один, в частности, тип. Мне его выдали для курации. Я должен был внимательно его изучить и написать про него самодельную историю болезни с оригинальными мыслями.

Этого типа, как выяснилось, ужалила в ухо какая-то мошка-молодец. Ухо разнесло в целое блюдце диаметром. Ну, и что тут выяснять? Он сидит и не соображает ни хрена, да и соображать нечего. Цедит что-то сквозь зубы, рассматривает свои шерстяные носки, а те уже не шерстяные, а керамические. И такая от них двинулась ударная волна, что у меня, как и положено в ЛОР-болезнях, перехватило и горло, и нос, и ухо заложило.

Понятно, что за мои соображения по поводу уха и мошки влепили нечто нехорошее.

И на экзамене припомнили, потому что я уже, получилось, себя плохо зарекомендовал.

Вообще, лютая была кафедра. Мелкая и злая. Их профессор, молодой еще совсем, настоящее удовольствие получал от своих темных дел. Сидит за столиком один негр, готовится отвечать по билету. Надеется попасть к кому-нибудь подобрее. Ему, негру, что горло было, что нос - все едино, одинаковый занзибар.

Тут входит профессор, только что с операции, распаренный и хищный.

- Так! Давайте-ка мне кого-нибудь!...

- А вот... (указывают на съежившегося негра).

- А ну, пошли!

Схватил за шиворот (я не вру), поволок к себе.

Потом, уже насобачившись в поликлиниках-больницах, я этому профессору не то тетку его лечил, не то бабку. Так он мне бутылку подарил, которую не жалко. У него их, понятно, много было, как у любого профессора.

Профессор Козьмин-Соколов

Раз уж я снова взялся рассказывать про учителей, не грех припомнить приятных. Были же такие? Были.

Натаскивал нас один профессор-микробиолог по фамилии Козьмин-Соколов. Настоящий профессор, давней выделки. Пожилой, крепкий, с огоньком; чепчик какой-то нелепый, словно из задницы вынутый, но это не в ругательном смысле. Очки. Брови сведены, лицо серьезное и чуточку удивленное.

Он хорошо знал цену нам и нашей учебе. Никогда не упускал случая сделать какую-нибудь ремарку:

- Та-ак. Прекрасно. - Поднимает палец, поворачивается ко всем: - Смирнов - опытный дежурный...

Таким тоном, будто ему это и в голову не приходило. А я молча разношу гнилостные пробирки: знаю, куда ставить, потому что второй раз уже.

Но главное - главными были его ботинки-долгожители. Мой приятель даже рот себе зажимал обеими руками. Глаза, казалось, вывалятся от натуги, а поймать нечем.

Это были сверхботинки, им не хватало только веревочки, перевязать. Описывать их незачем. Каждый и без меня хорошо знаком с этим шаблонным образом. Знаете, на удочке такой ботинок достают из пруда, вместо рыбы? Ну вот. Такой же.

В них-то профессор и расхаживал меж столами, шлепая ботинками.

Уже ползанятия прошло, я сижу, отдыхаю. Вдруг он резко останавливается, замирает на полуслове, оборачивается ко мне. С тревогой:

- Как вы себя чувствуете?

Я вжался в сиденье, потому что сидел с подбитым глазом и радовался, что никто меня за это не трогает.

Эмблема печали

Интересный случай, который я сунул в один старый рассказ, но его мало, кто читал.

Случай и без рассказа славный.

Принимает специальный доктор человека. У того вдруг ни с того, ни с сего началась белая горячка и расстроила все его планы. И этот человек, вместо того, чтобы ловить классических и давно надоевших чертей, просит бумагу и ручку. Начинает рисовать, но поминутно прерывается, перегибается через стул и с кем-то сумбурно беседует. В командной манере.

- А с кем же вы разговариваете?

- А с товарищем моим, Васей (Борей, Петей, Колей). Он превратился в жучка, залез мне в жопу и не выходит, подает оттуда сигналы.

- Теперь все понятно. Так. А это что? - Доктор тычет в рисунок. На рисунке - пышная, вполне толково изображенная роза.

- А это я сам.

Folie a deux

В психиатрии считается, что бывает такая штука: folie a deux, как они пишут для непонятности. Но я-то люблю разглашать врачебные тайны: читайте - "безумие на двоих".

То есть вот это что: если жена рехнулась, то и супруг не отстает. Обратное тоже верно. И в итоге доктор не знает, кто начал первым.

Но я, на заре моей практики, открыл, что поделиться можно и другими болезнями.

Знал я одну пожилую пару. Условная родня.

У супруги, проворной и радостной бабулечки, имелся чудовищный зоб. Огромных размеров. Он ей, конечно, совершенно не мешал. Она ела, пила, плясала и шутила с этим зобом.

Познакомился я с ними, как сейчас помню, посидел, попил чаю. Жена толкает меня: пошли, мол. Ну, мы пошли. А на пороге хозяин дома вдруг говорит:

- А у меня тоже зоб.

Пытаясь оскалиться сколь можно вежливее, я недоверчиво смерил его, грузного, взглядом и усомнился.

- Ну, как же, - сказал он.

Полез в пинжак и вынул инвалидную сиреневую справку.

- Вот, - тычет пальцем, - видите, написано: зоб.

Смотрю я в бумажку. А там, в разделе "причина инвалидности", проставлено "заб". То есть заболевание. Писать же слово целиком - долго, неприятно, чайник собесовский выкипает, селедка портится. Вот и сокращают. Таких "забов" пруд пруди.

- Это не зоб, - объясняю я мягко. - Это от слова заболевание. Означает, что вы инвалид потому, что чем-то болеете.

Но он мне не поверил и мрачно спрятал бумажку обратно в пинжак же. Он до того сжился с супружеским зобом, что не видел возможности уклониться от этой уважительной редкости. Он думал, будто вполне заслужил себе право иметь зоб.

А говорят - безумие на двоих. Какое тут безумие, когда обобществляется материальный нарост. Это не безумие. Впрочем, оно там тоже было.

Еще один довесок

Ночь. Тело без паспорта. Вынуто из сугроба. Доставлено без комментариев, почти не дышит, не говорит даже, пахнет химией, мелкие ссадины. На снимке - непонятно.

Звать нейрохирурга всегда стыдно. Он добрый человек, пожилой, спит дома, в больнице не дежурит. А вдруг напрасно позовешь? Машину зря гонять, будить, операционную готовить. Брить бесчувственное тело.

Тем более, что доктор безотказный, поедет.

У него, правда, на выходе результаты не очень. Ничего не попишешь, тяжелые очень больные.

- Здравствуйте... У нас тут, знаете ли... Я не могу исключить...

- Ну хорошо, я приеду, насверлю ему дырок, а дальше - как бог решит.

- Видите ли, я не уверен, что там что-то будет такое, чтобы сверлить...

- Ну, напиши, что есть подозрения, я приеду, зачеркну.

Ноу Хау

Когда у нас была Империя Зла, это были не пустые слова.

Рейган знал, про кого говорил.

На четвертом курсе я учился оперативной хирургии. Дело это было дохлое, потому что какой из меня хирург. Там учить приходилось много, наизусть, да еще руками резать, трупов. И собак живых. Они потом бегали и плодились по всему институту, кое-как сшитые.

Однажды я даже порезался и радостно стоял в сторонке, следил за скучным потрошением. "Самострел!" - обозвал меня доктор. Но помиловал. Начал рассказывать про интересную операцию трахеостомию, которую должен уметь делать любой доктор, даже какой-нибудь захудалый физиотерапевт из поликлиники, который только и понимает, что нажимать кнопку "пуск", да переворачивать песочные часы.

Потому что такая грубая дырка в горле может спасти чью-нибудь неосторожную жизнь.

Эту трахеостому - под одноименный учебный фильм - нам провертели во всех местах по закону созвучия. Рассказывали, как мама сделала ее ребятенку столовым ножиком, и тот задышал. Еще одному везунчику прокрутили в туалете, штопором. Гвоздем делали, шилом, еще чем-то. Может быть, пальцем. Да мне-то что, я все равно не умею. Сделаешь - и не отпишешься.

Но вернемся к Империи Зла и Рейгану.

Берет наш доктор хитрую железяку с острым концом, трубку. На дворе - 1984 год.

- Вот так, - показывает. - Вбиваете в горло, разворачиваются лепестки, для фиксации. И пациент дышит. Это у нас такую придумали! Ни у кого нет. Даже у американцев. Их полицейские, между прочим, обучены делать трахеостомию, в рамках неотложной помощи. Для спасения мирных граждан. И дыроколы у них есть, но только у нас теперь намного лучше.

- А надо им продать, - прошелестел вкрадчивый голос одного нашего товарища, который, как я уже рассказывал, украл аппарат "Электросон".

У доктора запотели очки. Он покачал головой и недоуменно расхохотался:

- Вы что? Во дает!... Нашли друзей!...

Голубой вагон

Доцент-фтизиатр был милейший субъект, имел фамилию Афанасьев.

Учил нас, если можно так выразиться, туберкулезу. Предмет был такой: Туберкулез. Мы все вздрагивали: вдруг научимся? Тем более, что завкафедрой нам намекала на лекции: "При этом заболевании бывает покашливание... вот точно такое, как сейчас покашляли, на заднем ряду".

Хочется что-нибудь про доцента Афанасьева рассказать хорошее - и вроде как нечего, а жаль. Плохое-то всегда тут как тут.

Все ему было по светлому и солнечному сараю. Учил он нас очень добросовестно, все объяснял легко и просто, никого не тиранил, отметок не ставил. Объясняя какое-нибудь лечение, заканчивал с неизменной улыбкой и поднятым пальцем: "И... санитарно-гигиенический режим".

Повторяя это в пятый раз, торжествующе вставлял слово "конечно".

После чего расплывался еще радостнее, совсем сыто. Он знал, что нам до этого режима. И какой вокруг режим.

И, конечно, на отвлеченные темы любил порассуждать.

В апреле 1985 года Генеральный Горби учинил пленум, где поставил задачи. Туберкулез каким-то образом стал поводом их обсудить.

- Они собираются сделать революцию, - ласково улыбался Афанасьев. Ему было видно нечто покойное и тихое, далекое от всех революций. - Революцию. Вы знаете, что у нас в 17-м году была революция? Ну вот.

Потом, после очередной политинформации, сказал еще так:

- Я не понимаю, зачем важных деятелей провожают в аэропорту. Вот я, например, поехал бы на вокзал - вы меня станете провожать? Да мне и не надо. Ну, может быть, чемодан донести, кому-то одному.

И удивленно пожал плечами, зато улыбался хитро.

Это был человек, обогнавший время. Или, наоборот, пропустивший его вперед.

Да, он пропустил время вперед.

Довел до вокзала, поднес чемодан. И время поехало в голубом вагоне. А он остался. И без особых сожалений пошел домой.

май 2003 - январь 2004